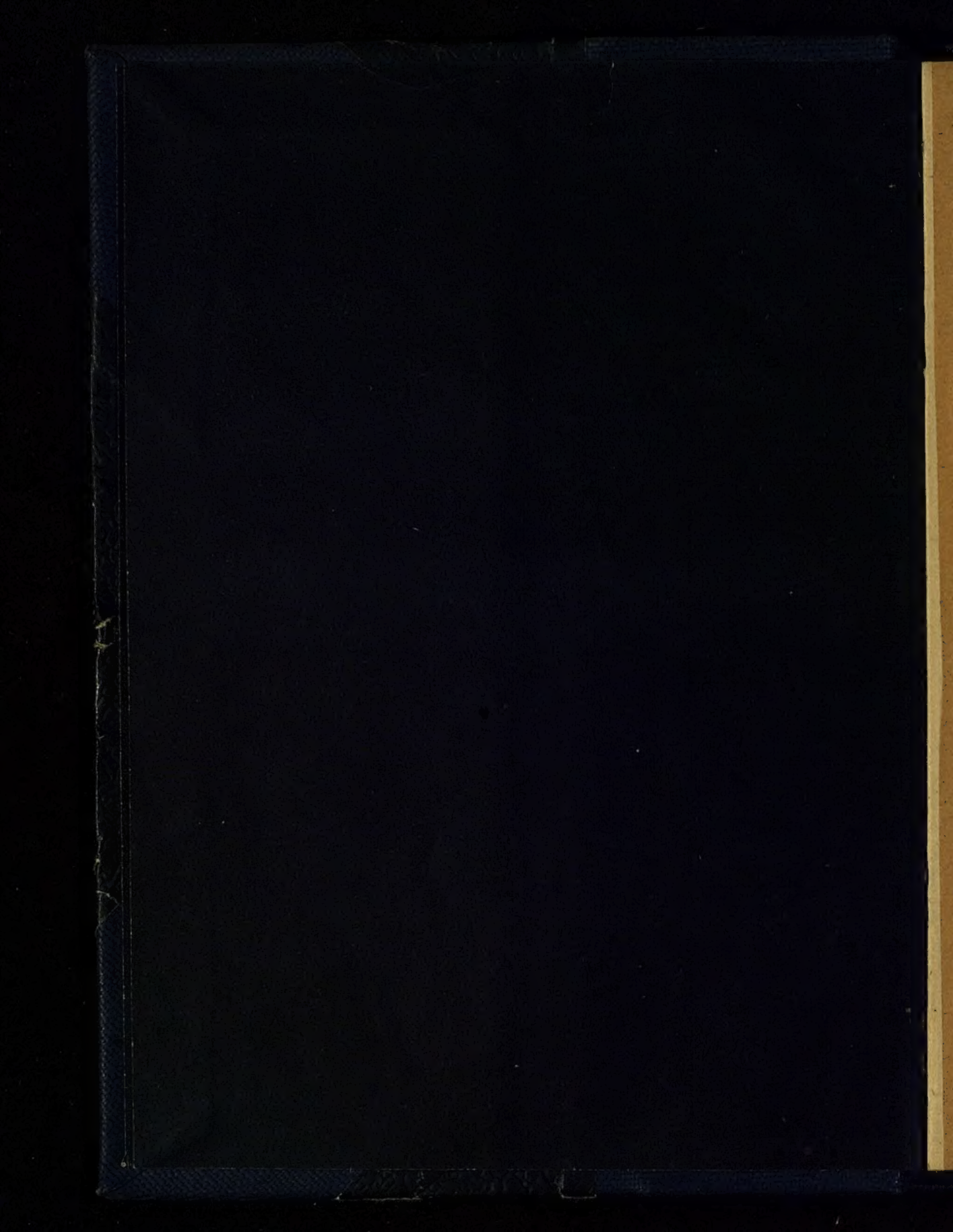
ЗИНОВЬЕВ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ЗА РАБОТОЙ





Г. ЗИНОВЬЕВ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ЗА РАБОТОЙ

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОМИНТЕРНЕ И РАБОТА ЕГО СЕКЦИЙ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1922 . . ПЕТРОГРАД

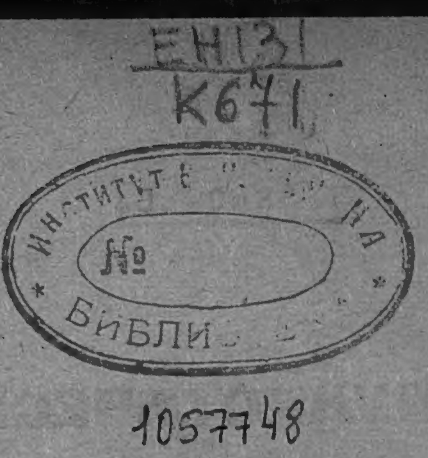
Г. ЗИНОВЬЕВ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ЗА РАБОТОЙ

Тактические ~~ПРАКТИЧЕСКИЕ~~ ПРОБЛЕМЫ В КОМИНТЕРНЕ И РАБОТА ЕГО СЕКЦИЙ

РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ НА IV ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1922 . . ПЕТРОГРАД



Гиз. № 4092. Отп. 8.000 экз.
= „ПЕЧАТНЫЙ ДВОР" =
Типогр. Государств. Издат.
Петроград, Гатчинская, 26.

ПРИВЕТСТВИЕ IV КОНГРЕССУ.

I. Памяти павших.

Товарищи, на меня возложена почетная задача выступить перед вами со вступительной речью. Сегодня на нас хлынуло так много событий и воспоминаний, что поистине не знаешь, о чем раньше говорить. В самом деле, отдадим себе отчет в том, что происходит у нас. На земле, которую завоевал русский рабочий класс, в Республике Советов, которая находится под перекрестным огнем неприятеля в течение пяти лет, открывается четвертый Всемирный Конгресс передовых пролетариев 52 стран. Я думаю, товарищи, не будет преувеличением сказать, что события, равные по величине, по их исторической значительности, нам редко приходилось переживать. Естественно, что первые наши слова мы должны посвятить памяти тех, которые пали в течение пяти истекших лет в борьбе за то, чтобы русская земля осталась советской, и за то, чтобы знамя коммунистической партии не

было вырвано из рук передовых борцов различных стран, которые в очень многих государствах являются еще пока только героическим меньшинством.

Число наших погибших товарищей огромно. Если взять одну только нашу страну, то у нас жертвы исчисляются наверное десятками тысяч.

Мне сегодня попался в руки небольшой сборничек, посвященный одному из отрядов, погибших в борьбе за защиту одного только из советских городов — нашего гор. Петрограда, сборничек, посвященный памяти отряда шлиссельбургских рабочих, который в 19-ом году, в числе других отрядов, защищал наш красный Петроград. Что такое Шлиссельбург во всей Советской России?— я не говорю уже о территории всего мира, где живут и борются наши товарищи. Это — маленький уголок, это — один фабричный поселок, один крупный завод. И отряду этого завода, который стоял у стен Петрограда в 19-ом году, посвящен специальный сборник, который перечисляет десятки и десятки рабочих Шлиссельбурга, погибших с винтовкой в руках, защищая один из городов Советской Республики. Прикиньте же теперь, товарищи, как велики и неисчислимы окажутся жертвы пролетарской борьбы, если возьмем собирательный, коллективный Шлиссельбург, если возьмем рабочих всей России, если возьмем коммунистов всего мира.

Я видел на-днях другую книгу. Кто-то из московских товарищей попытался положить начало собиранию биографий выдающихся наших това-

рищей, погибших за эти годы. Одно перечисление имен петитом заняло целую книгу, я думаю, минимум в 15 или 20 печатных листов. Да и то, собраны имена только тех товарищей, которые были наиболее известны нашей партии и Советской власти. А мы знаем, что в борьбе за советское знамя погибли десятки тысяч безъимянных героев, имена которых пока остаются неизвестными для истории.

За эти годы в Германии не осталось ни одного города, пожалуй, ни одной крупной площади в больших городах, которая не оросилась бы кровью рабочих, боровшихся за знамя коммунизма. В Венгрии, при первых попытках к рабочему восстанию, погибли тысячи и тысячи наших братьев, а многие из них и сейчас заключены в тюрьмах. Не далее, как две недели тому назад, в один день было арестовано 170 коммунистов в Будапеште. В соседней с нами Финляндии, где рабочие сделали первую попытку восстания, погибли десятки тысяч рабочих, и сейчас тысячи из них находятся в тюрьмах. В Румынии целая наша партия пропутешествовала прямо со съезда в каторжную тюрьму, причем многих товарищей расстреляли по дороге. В Греции буржуазная революция засадила большую группу борцов за коммунизм в тюрьмы. И только часть из них освобождена восставшими солдатами, теми самыми солдатами, которые, к слову сказать, обезоруживали своих собственных буржуазных офицеров с возгласом: «Да здравствует Ленин!» на устах. В Турции Кемаль - паша держит в тюрь-

мах 200 человек коммунистов. В Америке за эти годы в каторжных тюрьмах перебывали сотни и сотни лучших наших работников. И сейчас за принадлежность к Коммунистическому Интернационалу американская буржуазия не скупится давать по меньшей мере 20 лет каторги.

В Италии наши товарищи в течение нескольких лет уже ведут гражданскую войну с переменным успехом. Вы знаете, что в момент, когда мы открываем IV Всемирный Конгресс, итальянский рабочий класс в буквальном смысле слова отдан на поток и разграбление фашистской шайке, вожди которой, к слову сказать, вышли из рядов прежних социалистов. И, как мы постоянно это видели в ходе нашей революции, эти ренегаты социализма стали особенно яростными, особенно безжалостными палачами рабочего класса, выполняющими по заданию буржуазии самую зверскую расправу над пролетариатом их стран.

Я думаю, товарищи, что сейчас, мысленно возвращаясь к началу нашей революции и подводя итоги первого пятилетия великой, грандиозной борьбы мирового рабочего класса за победу пролетарской революции, мы, прежде всего, помянем тех наших лучших людей, лучших вождей и братьев, которых нет уже среди нас, тех товарищей, которые погибли в Советской России и во всем мире за дело коммунизма. Вечная память первым борцам мировой пролетарской революции! (Все встают; оркестр играет похоронный марш.)

II. Коминтерн между III и IV конгрессами.

Товарищи, прошло пять лет с тех пор, как рабочие того города, где сейчас открылся IV всемирный конгресс, низвергли буржуазию и взяли власть в свои руки. В течение этих пяти лет, без преувеличения можно сказать, что каждый день был важнейшим уроком для пролетариата нашей страны и пролетариата всего мира. Последний год был для Коммунистического Интернационала во многих отношениях решающим годом. Между III и IV Конгрессами протекло 15 месяцев. Именно в течение этих 15-ти месяцев в известном смысле решались судьбы Коммунистического Интернационала. Само собой понятно, — полная победа Коммунистического Интернационала в историческом смысле безусловно обеспечена. Если бы даже наше поколение борцов было сметено огнем реакции, как это произошло с парижскими коммунарами и I Интернационалом, то и тогда Коммунистический Интернационал все равно возродился бы и, в конце концов, привел бы международный пролетариат к победе. Но вопрос шел о том, удастся ли Коммунистическому Интернационалу, как он сложился сейчас, удастся ли нашему поколению борцов выполнить ту историческую миссию, которую взял на себя III Коммунистический Интернационал.

Этот вопрос решался как раз между III и IV Конгрессами. III Конгресс закончил свою работу к моменту, когда наступление капитала и все-

мирной реакции приобрело небывалую планомерность и силу. На III Конгрессе стало ясно, что от нас начинают отходить некоторые ненадежные попутчики. В связи с окончанием III Конгресса наши противники сулили Коминтерну если не смерть, то ослабление и упадок. И именно, под перекрестным огнем наступления капитала за последние 15 месяцев решался вопрос — устоит ли на посту наша молодая, местами еще не окрепшая, международная коммунистическая партия? В Коминтерне 50 с лишним партий. Среди них есть такие, которые по числу членов превосходят Российскую Коммунистическую Партию, какою она была пять лет тому назад, перед началом переворота. Но есть и ряд партий, еще не окрепших, еще не вполне сложившихся, еще переживающих первые наиболее трудные времена. Комбинированные силы международного капитализма и меньшевизма, в лице II Интернационала, в течение этих 15 месяцев штурмовали отдельные партии Коммунистического Интернационала. Все усилия буржуазного мира и услуживающих ему 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов в течение этого времени были направлены на то, чтобы подкопаться под наши партии, чтобы вырвать из наших рядов отдельные отряды, чтобы разрушить Коминтерн. Это были критические месяцы в жизни Коминтерна.

Мы не привыкли, даже в самые тревожные моменты, заниматься самообольщением, преувеличением наших сил. Великая сила ком-

мунизма заключается в том, что он умеет высказать правду даже тогда, когда это правда горькая. Если бы положение Коминтерна в настоящий момент было таковым, как этого ожидали наши противники, было бы недостойно, чтобы мы на IV Конгрессе скрывали нашу слабость. Мы должны сказать то, что есть. И мы говорим то, что есть. Оглядываясь на пройденный путь, подытоживая наши силы, каковыми их застает IV Конгресс, мы имеем полное право, нисколько не преувеличивая, сказать, что Коминтерн трудные времена пережил, что он вырос и окреп настолько, что ему не страшно сейчас никакое нападение всемирной реакции. — Именно этот тяжелый год, год планомернейшего наступления международных капиталистов во всем мире, год объединения 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов, год голода в Советской России, год, заполненный бесконечными стачками, в которых почти всегда поражение терпел рабочий класс, — именно этот год показал, что Коминтерн заложил солидный фундамент, что Коминтерну не страшны козни всемирной реакции, что Коминтерн жив и будет жить на страх врагам (аплодисменты).

За этот год совершились и другие события решающего характера. Программная и тактическая линия Коминтерна, как она формулирована важнейшими нашими съездами, высшими законодательными органами международного пролетариата, эта программная и тактическая линия также прошла через испытания огнем и также показала себя правильной.

Вы помните, как еще недавно мы переживали крупные события в Германии. Сравнительно совсем недавно отзвучали речи на знаменитом съезде в Галле, когда нам довелось от имени Коминтерна сказать после известного решающего голосования в Галле, что правые независимые, отказавшись принять 21 условие, отказавшись войти в Коминтерн, повернули к буржуазии, и, стало быть, им остается только одна дорога — дорога к социал-демократии — к Носке. Когда мы сказали это, то на скамьях правых независимых было неслыханное возмущение. Они считали наше заявление злостной выдумкой. Теперь это стало фактом, предсказание Коминтерна исполнилось: правые независимцы находятся в рядах Носке, в рядах палачей рабочего класса. Такой же необычайно интересный опыт проверки тактики Коминтерна мы пережили в Италии, — в стране, которая сейчас в известном смысле занимает авансцену международных событий. Когда произошел раскол в Ливорно, мы сказали тем, кто не пошел за Коминтерном: У вас два пути — или вы пойдете за реформистами, за 2-м Интернационалом, и, стало быть, через короткое время окажетесь в лагере буржуазии, или вы признаете свою ошибку и вернетесь в ряды Коммунистического Интернационала. Я знаю, как смотрят на урок Италии отдельные вожди Итальянской Социалистической Партии. Но я также твердо знаю, как смотрит на это громадное большинство итальянских рабочих-социалистов. Громадное большинство их на своем

недавнем съезде в Риме признало свою ошибку и правоту Коминтерна. Они возвращаются в наши ряды. И, разумеется, мы примем их, как братьев (аплодисменты).

Товарищи, на этих двух примерах (я не буду увеличивать их числа), на этих двух достаточно ярких примерах международного рабочего движения доказано с чрезвычайной ясностью всем честным и сознательным пролетариям мира, что 21 условие, выдвинутое на II Конгрессе, не есть выдумка, не есть придирка, не есть догмат, а есть выражение коллективного разума борющегося за свое освобождение от цепей капитализма международного пролетариата.

Тактика Коммунистического Интернационала верна и проверена на опыте. Мы имеем точную и ясную дорогу, мы знаем, куда мы идем, мы знаем, куда мы ведем международный пролетариат, и поэтому с большими или меньшими жертвами — это не вполне зависит от нас — в течение большего или меньшего количества времени, мы гарантируем это международному пролетариату, что мы приведем его к полной победе над буржуазией (аплодисменты).

III. Объединение 2 и $2^1/_2$ Интернационалов.

Одним из важнейших событий последнего времени является объединение 2-го и $2^1/_2$-ного Интернационалов. То, что предвидел и предсказывал Коминтерн, совершилось. От этого объединения революционная борьба рабочих только

выиграет. 2-ій и 2½-ный Интернационалы — одного поля ягоды. И та, и другая организация являются организациями контр-революционными. Для революционных пролетариев выгодно, чтобы было поменьше ширм.

Для нас выгодно то, что сейчас вся наша борьба будет протекать в простых и ясных рамках. — Два лагеря, два деления. На одной стороне — второй Интернационал, Интернационал Носке, Интернационал социал-предателей, Интернационал преступников против рабочего класса. На другой стороне наше всемирное братство, наше товарищество рабочих всех стран, называемое Коммунистическим Интернационалом. Объединение 2-го и 2½-ного Интернационалов, — это должно быть сказано во всеуслышание, — знаменует собою, между прочим, новую подготовку белого террора против рабочих, борющихся за свое освобождение. Быть может, сейчас эти наши слова вызовут у социал-демократии такое же возмущение, как наше заявление в Галле или по поводу Ливорно.

Однако, мы перед рабочими всего мира берем на себя ответственность за все то, что мы заявляем. Объединение 2 и 2½ Интернационалов есть не что иное, как артиллерийская подготовка для нового, небывало бешеного натиска международной буржуазии на революционных рабочих. Объединение 2 и 2½ Интернационалов подготовляет почву для новых Галифе — Носке, Муссолини, для новых палачей рабочего класса. Вожди 2 и 2½ Интернационалов в этом смысле объективно выполняют новое задание между-

народной буржуазии. Вопрос о нашем отношении к объединению 2 и $2^1/_2$ Интернационалов есть вопрос не только внутрипартийной политики и внутрипартийной тактики. Это есть вопрос всей мировой политики. Объективные предпосылки для победы мировой пролетарской революции во всех решающих странах назрели. Все экономические предпосылки для победы социализма на-лицо. Единственно чего не хватает рабочему классу всего мира, это так называемого субъективного фактора — достаточной организованности самого рабочего класса, достаточной сознательности самого рабочего класса. И в этом смысле роль социал-демократии для данного времени очень велика.

Без преувеличения можно сказать, что самая центральная задача наших дней (пожалуй, даже всей нашей эпохи) заключается в том, чтобы победить социал-демократию, главный фактор международной контр-революции, главный тормоз на пути к победе международного рабочего класса. Вот, что должны помнить больше всего наши коммунистические партии, только что выходящие на дорогу. Наша борьба с международным меньшевизмом, с объединением 2 и $2^1/_2$ Интернационалов не есть борьба фракций внутри социализма, как это иногда думают, не есть столкновение отдельных течений внутри социализма. — Нет, нет! На самом деле, в сущности, это есть последний и решающий бой международного рабочего класса, освободившегося от буржуазного дурмана, против последнего экспонента, против последнего агента

международного капитала — против меньшевизма (аплодисменты).

Я думаю, что именно ко дню 5-й годовщины мы обязаны сказать это рабочим всего мира с особенной настойчивостью.

Позвольте теперь мне два слова для личного отступления. Мне кажется, что я особенно обязан это сказать теперь, к 5-й годовщине революции. Вы знаете, товарищи, что пять лет тому назад мне довелось, вместе с некоторыми другими товарищами, сделать большую ошибку, которая составляет, как я считаю до сих пор, самую большую ошибку, какую мне пришлось сделать в жизни. Мне в то время не удалось полностью понять международную контр-революционность меньшевиков. В течение десятка с лишним лет боровшись с меньшевиками, я все-таки, как многие товарищи, тогда, в решающую минуту, не мог отделаться от мысли, что, может быть, меньшевики и эс-эры являются правой фракцией, правым флангом рабочего класса, на деле же они являются «левым», весьма ловким, бойким, и потому особенно опасным флангом международной буржуазии. И мне кажется поэтому, товарищи, что мы обязаны напомнить всем нашим товарищам, которые местами только что начинают свою решительную борьбу с международным меньшевизмом и сейчас находятся в самом огне этой борьбы, — обязаны напомнить им об уроках собственной революции и сказать им: больше всего бойтесь ошибиться в этом вопросе, бойтесь недооценить громадную опасность, идущую из лагеря меньшевизма, из

лагеря 2-го Интернационала, бойтесь недооценить хитрость, коварство этого врага и то зло, которое проистекает из политики его вождей, бойтесь смотреть на меньшевизм, как на правое крыло собственного движения. Смотрите на него как на главного врага, как на того сотрудника международной буржуазии, которым она держится, ибо это так и есть. Капитализм теперь держится исключительно милостью социал-предателей из 2-го Интернационала. Рабочий класс теперь уже настолько многочислен, что одним движением плеча мог бы стряхнуть международный капитал, если бы только социал-демократы постоянно не путались у него в ногах, не удерживали бы его за руки, не увивались вокруг него.

К пятой годовщине Октябрьской Революции мы обязаны сказать международному пролетариату: меньшевики, обвиняя нас, заявляли, что мы не просуществуем и нескольких недель. Притом они говорили, что Антанта нас задавит в течение нескольких месяцев, что с нами покончит вооруженная рука Колчака и Юденича. Затем говорили, что голод задавит нас, что вся наша тактика — сплошная ошибка. Теперь события показали, что, если в чем смогут упрекнуть нас господа меньшевики, то разве в том, что мы сделали ошибку, совершив революцию в октябре, когда погода плоха и бывают частые дожди (аплодисменты). Но, мне кажется, сегодняшнее выступление питерских рабочих, «достаточно мощное, несмотря на меньшевистский дождь», показало, что и этот аргумент меньшевизма побит.

IV. Новая экономическая политика и Р. К. П.

Два слова о международном значении НЭП'а (новой экономической политики).

Товарищи, в прошлом году на III Конгрессе, когда НЭП только вводился, мы могли вам дать только теоретическое, только довольно отвлеченное представление о том, какую роль будет играть этот НЭП в жизни первой Рабочей Республики. Сейчас мы имеем на этот счет гораздо больше ясности, и мы обязаны сказать вам, товарищи, собравшиеся из всех стран, следующее: многие из вас, сокрушаясь по поводу частичного возрождения капитализма в Советской России, из лучших чувств к нам, говорили: «да, мы понимаем, что вы вынуждены вводить новую экономическую политику, потому что мы, рабочие других стран, слишком еще слабы, мы не можем еще придти к вам на помощь».

Это, конечно, верно. Но аргумент этот всетаки недостаточен.

Мы пришли к тому убеждению, товарищи, что новая экономическая политика есть результат не только того, что коммунисты целого ряда капиталистических стран еще слишком слабы. Нет, она есть нечто большее. Мы обязаны сказать вам, — во вступительной речи не место подробно обосновывать это, — что НЭП есть известный этап, через который пройдет, вероятно, целый ряд стран и, быть может, даже крупные промышленные страны с подавляющим большинством промышленного пролетариата, и который

удастся миновать в виде исключения лишь некоторым странам. Русская комиссия подробно разовьет это на конгрессе. Мы должны сказать вам это потому, что на основе этих выводов, мы надеемся, будет построена вся стратегия IV Конгресса, весь боевой план всей нашей борьбы на ближайший год до V Конгресса. Мы думаем, что НЭП есть выражение не только слабости коммунизма в некоторых капиталистических странах, но что он есть выражение и того, что пролетариат должен уметь соразмерить свои силы с силой крестьянства и ясно установить соотношение между передовыми промышленными рабочими и громадным большинством сельского населения.

Мы не учли этого с самого начала, потому что не имели точного глазомера. И это неудивительно. Наша революция тем и велика, что она впервые подошла к этому вопросу практически. НЭП не есть эпизод, не есть только выражение слабости братских нам партий в передовых странах капитализма. Нет, это есть тактическая мудрость, выставленная первой большой пролетарской революцией в крестьянской стране. Это есть результат борьбы рабочего класса первой победоносной республики, того рабочего класса, который сначала попытался пойти слишком быстрыми шагами, но который должен был понять, что для того, чтобы не терять соприкосновения с громадной массой крестьянства, которая в определенной обстановке решает исход революции, необходимо прибегнуть к той сумме мер, которая

получила название новой экономической политики. И вот, товарищи, когда мы будем обсуждать на нашем конгрессе аграрный вопрос и вырабатывать программу действий для аграрных стран, когда мы будем обсуждать программу нашего Коммунистического Интернационала и когда мы будем говорить о целом ряде других вопросов, поставленных на очередь, нам придется останавливаться на только что высказанной мысли. Она нуждается в обширном обосновании, и мы дадим ей это обоснование в ходе наших работ на конгрессе.

Мы говорим вам: насколько можно предвидеть, через «новую экономическую политику» придется пройти и центральной Европе, и Балканам, быть может, и целому ряду других стран, в которых промышленный пролетариат даже составляет большинство. Для нейтрализации крестьянства, или, по крайней мере, известных его слоев, вам придется пройти через политику, аналогичную НЭП'у, конечно, с теми или иными видоизменениями, зависящими от конкретной обстановки.

Советская Россия гордится тем, что может притти на помощь международному пролетариату. Истекло пять лет нашей революции, и мы можем подводить итоги этому пятилетию. Быть может, мы это сделаем более подробно на завтрашнем собрании. Но одно мы можем сказать и сейчас: пять лет необычайно тяжелой борьбы, бесчисленных жертв, многочисленнейших препятствий, голода, неслыханной блокады, интервенции и проч. не сломили рабочего класса России. К пятому

году революции массы, хотя и уставшие, хотя и измучившиеся, не только не отхлынули от нашей партии, — это мы говорим вам в полном сознании того, что не имеем права перед международным конгрессом коммунистов сколько-нибудь прикрашивать свое положение, а говорим потому, что это есть истина, — рабочие массы не только не отхлынули от РКП, но мы чувствуем, как эти массы приливают к нашей партии с такой же интенсивностью, как это было в самые лучшие дни подъема революции — пять лет тому назад. То, что вы видели сегодня в Петрограде, вы можете видеть в любом городе Советской Республики, в любом рабочем поселке, на любом руднике. Всюду, где есть рабочие, где есть трудящиеся массы, которые за эти пять лет ужасной борьбы могли устать и имели право на известную, так сказать, передышку, но которые остались с нами, — всюду эти рабочие массы сейчас, как еще никогда, поверили в окончательную победу Советской Республики. И это чувствует каждый из нас, кто живет и имеет величайшее счастье бороться в гуще рабочих масс России, и в особенности среди рабочих масс таких изумительных пролетарских городов, как Красный Петроград. Если прежде были некоторые слои рабочих, у которых была внутренняя неуверенность, были колебания, которые все еще думали, что, может быть, мы еще будем побеждены, то сейчас и эти слои рабочих освободились от своих колебаний. Никогда еще, как сейчас, наша партия так не чувствовала, что она

на верном пути, что рабочие массы ей полностью доверяют и идут за нею. Коммунистическая партия России «подносит» IV Конгрессу, ко дню пятой годовщины Октябрьской Революции, сплоченный, живой, бодрый и верящий в свою силу рабочий класс... (Аплодисменты.) Вот почему, в день пятой годовщины Октябрьской Революции мы смеемся в лицо теням прошлого: эс-эрам, меньшевикам, — русским партиям 2-го Интернационала.

Мы на верном пути. Бывали времена в течение этих пяти лет крещения, когда коммунистическая партия и вполне убежденный в нашей правоте пролетариат были меньшинством. Бывали времена, когда под гнетом неслыханных тягот были колебания и в рядах рабочего класса. Но в том-то и заключается великая заслуга славной российской коммунистической партии, которая гордится тем, что является отрядом Коминтерна, что и в эти минуты колебаний мы не выпускали нашего знамени. Ибо мы знали, что через тернии, через отчаянные препятствия и жертвы мы приведем рабочий класс к полной победе. К пятому году октябрьской революции мы говорим: самое трудное осталось позади. Мы вывели рабочий класс нашей страны на широкую дорогу. Наша партия, начавшая октябрьскую революцию и прошедшая небывало тяжелый, но славный и великий путь, наша партия, являющаяся только одной из секций Коммунистического Интернационала, завоевала рабочий класс величайшей страны, перекинула мост в не-

объятную деревню и повела за собой всю Советскую Россию.

Мы гарантируем вам, товарищи, что в тылу у вас борется партия, которая, если бы даже настали самые тяжкие времена, не выпустит своего знамени. Наша величайшая гордость во все самые тяжкие минуты революции была в том, что мы знали, что открываем дорогу для организации мирового пролетариата. Мы знаем прекрасно, что не пройдет и нескольких лет, как ряд партий обгонит нас, как ряд более промышленных стран, совершив свою пролетарскую революцию, займет первенствующее место в Коммунистическом Интернационале, и мы, как сказал тов. Ленин, превратимся в отсталую советскую страну среди других более передовых советских стран. Мы это знаем, мы этого момента ждем, как величайшего торжества тех, кто явился застрельщиком революции. Мы знаем не хуже вас, какие трудности стоят на вашем пути: вам предстоит столкновение с более организованной и жадной буржуазией; вам придется скрещивать шпаги с непобежденными еще предателями из 2-го Интернационала.

Питерские рабочие, с которыми вам пришлось встретиться вчера на фабриках и заводах Петрограда, конечно, ждут-не дождутся, когда им удастся узреть первые огоньки победоносной мировой революции. Но они прекрасно знают те трудности, которые стоят на вашем пути. Коминтерн против незрелых выступлений и малоподготовленных восстаний, которые могли бы быть потоплены в крови рабочих и которые

могли бы раздавить драгоценнейшее достояние пролетариата — организованную Международную Коммунистическую Партию.

Мы идем по стопам Парижской Коммуны, но мы хотим Коммуны победоносной. Коминтерн не позволит буржуазии разбить наши силы в отдельных схватках и потопить движение в крови рабочих.

На Востоке за этот год разрасталось движение, и это движение настолько пошло вперед, что сейчас почти нет восточной страны, где бы мы не имели ядра Коммунистической Партии, хотя бы это ядро пока было и не велико. Да, наши партии на Востоке пока еще немногочисленны. Но наша «Группа Освобождения Труда» в России в 83-м году тоже была невелика. Однако ее образование знаменовало, что в России началась новая эра, что в России готовится революция. Образование коммунистических партий в таких странах, как Япония, Индия, Турция, Персия, Китай, которые составляют неисчерпаемый резерв пролетарской социалистической революции, образование таких партий — есть историческое событие. Это означает, что и там накопляются силы передовых рабочих, которые поведут угнетенные массы к победе международной революции. За этот год сильно выросли громадные национальные движения среди угнетенных народов, движения, которые объективно являются ударом в грудь международному капиталу. Нарастающие восстания в Индии, Китае, Египте разрушат самое существование буржуазного режима.

Время работает на нас. Крот истории хорошо роет. Если, товарищи, иным из нас, присутствующим в этом зале, доведется прожить хотя бы еще пять лет, — не будем просить пока большего, — и встретить десятилетие октябрьской революции, то мы увидим, что то, что мы сделали до сих пор, было только детской игрушкой.

Мы увидим, как содрогнется мир под ударами бесчисленных восстаний, как десятки и сотни миллионов угнетенных людей поднимутся против империализма. Мы увидим, как красное знамя коммунизма окажется в руках не только небольшого, хоть и героического меньшинства, но сотен и сотен миллионов угнетенных людей, сотен и сотен трудящихся, которые овладеют миром.

Да здравствует международная революция!

Да здравствует российский пролетариат, который положил начало этой революции, который, погибая и падая под беспощадным перекрестным огнем неприятеля, понимал, что он борется не только за свою страну, но и за дело международного пролетариата!

Русские рабочие — интернационалисты в лучшем смысле слова. Рабочие России, в частности рабочие Петрограда, после пережитых пяти лет не смели мечтать о лучшей награде, как та, которую они получили сегодня.

Многие ли из вас, товарищи-питерцы, первых застрельщиков наших отрядов, первых борцов за советскую власть, многие ли из вас, когда вы пять лет тому назад брали винтовку в руки и начинали строить первые слабые отряды Крас-

ной Гвардии, многие ли из вас, когда выходили на эту неслыханную героическую борьбу, мечтали дожить до пятой годовщины, до принятия в стенах своего Совета IV Конгресса Коммунистического Интернационала? Теперь мы до этого дожили, и не может быть более великой награды.

Конгресс вдохнет новые силы в рабочих Петрограда и в рабочих всей России. Мы возьмемся за хозяйственное строительство нашей великой республики, мы покажем образец героизма не только на фронте гражданской войны, но и на фронте действительного восстановления социалистического хозяйства. Мы поможем нашим братьям сорганизоваться и дадим им возможность выждать и организоваться, пока они смогут взять за глотку буржуазию и коленом надавить ей на грудь (аплодисменты).

Долой международную буржуазию (аплодисменты)!

Еще одно — долой ее агента — Второй Интернационал! Да здравствуют коммунисты всего мира! Да здравствуют поднимающиеся на новую борьбу миллионы рабочих, которые придут к коммунизму! Да здравствует Коммунистический Интернационал! (пение Интернационала).

ДОКЛАД О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА.

I. После III Конгресса.

Товарищи, прежде всего передо мною стоит задача представить вам отчет о деятельности нашего Исполкома за период между III и IV Конгрессами; во-вторых, мне придется говорить о дальнейшей работе Коммунистического Интернационала. Таким образом, мой доклад разделяется на две части.

Голые факты и цифры, касающиеся деятельности Исполкома за эти 15 месяцев, изложены мною в отдельной брошюре, отпечатанной на всех языках. Поэтому я к ним возвращаться не буду.

Нам нужно рассмотреть два вопроса. Во-первых, правильно ли Исполком проводил в жизнь постановления III Конгресса? Во-вторых, правильны ли были самые постановления? Ибо теперь, по прошествии 15 месяцев, мы распо-

лагаем значительным материалом, которого у нас раньше не было.

Каково было в конце III Конгресса общее положение, определившее всю нашу политику? Непосредственно после III Конгресса стало ясно, что мировой капитал предпринимает общее, хорошо организованное систематическое наступление против рабочего класса. Рабочий класс в известной мере переходил к обороне. Эти 15 месяцев нашей деятельности насчитывают целый ряд крупных и весьма серьезных забастовок во всем мире. Но при более близком ознакомлении с их результатами мы должны будем констатировать, что подавляющее большинство этих забастовок окончилось поражением рабочих. Ибо эти забастовки были вызваны исключительно наступлением капитала. Численность экономических организаций рабочего класса понизилась. Например, профессиональные союзы насчитывали в 1920 г. около 25 миллионов членов, в 1922 г.— 18 миллионов, и я не уверен в том, что и эта цифра не преувеличена. Уже из этого одного видно, в каком тяжелом положении рабочий класс находился в рассматриваемый нами период.

Не следует также недооценивать положение, создавшееся именно в это время в Советской России. Вы помните, что непосредственно после окончания III Конгресса выяснилась неизбежность у нас великого голода. Это еще не было ясно во время III Конгресса, но немедленно после его окончания мы должны были от имени Исполкома Коминтерна обратиться к рабочему

классу всего мира с просьбой поддержать русский пролетариат в этот голодный год. Это событие повлекло за собой крупные политические последствия. Вам известно, что нам часто ставят в упрек, будто бы Интернационал является лишь орудием Российской Советской Республики. Ведь это утверждают даже некоторые наши «друзья». Несомненно, что между первой пролетарской Республикой, борющейся против буржуазии, и коммунистической партией существует и должно существовать весьма тесное и серьезное взаимодействие. С нашей коммунистической точки зрения ясно, что коммунистический Интернационал имеет весьма важное значение для Советской России, и наоборот. Было бы смешно спрашивать, кто из обеих сторон подвергается «эксплоатации», кто кем при этом пользуется, кто является субъектом и кто объектом. Ибо здесь речь идет о тесно связанных между собой организациях, о фундаменте и крыше одного и того же здания.

Положение, в котором мы находились в истекшем году, было широко использовано нашими врагами для борьбы против идеи пролетарской диктатуры вообще. Весь 2-й Интернационал пытался сделать голод в России исходной точкой для целой кампании против Коммунистического Интернационала.

Пользуясь этим событием, они пытались придать своей кампании по возможности шумный характер: Коммунистический Интернационал является, мол, лишь орудием Советской Республики.

Несомненно, что Российская Советская Республика представляет собой политический фактор

столь крупного международного значения, что каждый должен с ней считаться. Весь вопрос заключается в том, по какую сторону баррикады занять позицию. Приведу лишь один свежий пример, — письмо вождя Английской Рабочей Партии, г-на Клайнса. Я полагаю, что большинство из вас читало это письмо. Г-н Клайнс, один из известнейших политических вождей нашего времени, обратился к Советской Республике с ныне опубликованным письмом. В этом письме Клайнс предлагает Советской Республике по возможности скорей утвердить известный договор с г-ном Уркартом, дабы повысить шансы Рабочей Партии на происходящих ныне выборах. При этом г-н Клайнс заявляет, что он говорит не только от своего собственного имени, но и от имени всех своих коллег. Англия переживает серьезную эпоху капиталистического и империалистического развития. Выборы же эти находятся в тесной связи с положением Советской России. Рабочая Партия, одна из важнейших, даже важнейшая партия 2-го Интернационала, не могла не учесть этого, и она заняла определенную позицию. Но на чьей стороне? По какую сторону баррикады? На стороне г-на Уркарта, на стороне буржуазии. Поэтому мы считаем, что когда 2-й Интернационал укоризненно говорит 3-му: «вы всегда идете рука об руку с Российской Советской Республикой, вы являетесь лишь орудием этой Республики», — то мы можем на это ответить: «вы тоже не игнорируете Советской России, вам тоже приходится занять по отношению к ней

определенную позицию, но позиция эта сводится к попытке использовать первую пролетарскую республику не в интересах пролетариата, а в интересах буржуазии».

Итак, мы уже сказали, что голод в Советской России послужил для 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов исходной точкой для очень оживленной, энергичной кампании против всех партий 3-го Интернационала, и мы должны открыто признать, что эта кампания имела известный успех. В простом рабочем, который наглядно видел, что в первой Советской Республике действительно голодают, что жизнь рабочих и крестьян очень тяжела, в беспартийном рабочем, не прошедшем политической школы, такие впечатления могли вызвать известное разочарование в революции вообще. Это вполне понятно, хотя и очень прискорбно. При том положении, в котором находились рабочие массы после окончания войны, это было совершенно неизбежно. Конечно, со стороны наших противников было бессовестно пользоваться этим, — ведь они-то отлично знали причину этого голода. Они знали, что предатели из 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов, вся тактика империализма были главными виновниками. Но, впрочем, было совершенно ясно, что 2-й Интернационал в своей борьбе против нас должен был использовать такое положение, как он и сделал.

Итак, в истекшем году положение Коммунистического Интернационала, как и положение первой Советской Республики, было довольно тяжелое, причем наши бессовестные враги из

2 и $2^1/_2$ Интернационалов пытались этим воспользоваться, и не без успеха.

Забастовки, как я уже говорил, были вызваны наступлением буржуазии. Я не буду обременять ваше внимание таблицами, — это можно сделать и в брошюре. Я только остановлюсь на одной стране, имеющей для нас особенно важное значение в вопросе о едином фронте, именно на Франции. Французские товарищи были самыми резкими противниками тактики единого фронта. Теперь положение несколько изменилось, но я думаю, что наши французские друзья совершенно иначе отнеслись бы к тактике единого фронта, если бы они в своей резкой критике Коммунистического Интернационала приняли в расчет цифры, которые я сейчас приведу. Во Франции забастовки наступательного характера, т.-е., забастовки, начатые рабочими с целью улучшения своего быта, повышения заработной платы и т. д., обнаруживают такую последовательность: в 1915 г., т.-е. во время войны, в наступательных забастовках участвовало только 8 тысяч французских рабочих; в 1916 году (тоже еще во время войны)— 37.000; в 1918 году — 131.000; в 1919 году— 1.053.000; в 1920 г.—точнее в первую половину этого года—628.000. Но после этого движение внезапно начинает итти на убыль. Во второй половине 1920 г. в наступательных забастовках участвовали только 57.000 рабочих, а в 1921 г., который нас как раз интересует, только 9 тысяч. С другой стороны, в течение первых 8 месяцев 1921 года—160.000 французских рабочих нахо-

дились в состоянии оборонительной забастовки. Что это означает? Это означает, что в 1921—22 г. наступление капитала достигло наибольшего напряжения, что французский рабочий класс должен был ограничиться лишь оборонительными забастовками, что для наступательных у него уже не было силы, ибо по всей линии наступление вела уже буржуазия.

Мне кажется, что во Франции, как и в других странах, это положение имело решающее значение для тактики единого фронта. Если бы наши французские друзья учли эти цифры и внимательнее следили за развитием забастовочного движения в своей собственной стране, то они, я думаю, с самого начала в значительной мере отказались бы от своей оппозиции по отношению к единому фронту.

Таково было общее положение уже в самом начале истекшего периода нашей деятельности. При этом, 3-й Конгресс впервые установил резкую демаркационную линию, с одной стороны, по отношению, к так называемым левым течениям, вроде Г. К. Р. П. и полуанархических групп,—с другой стороны, по отношению к правым элементам. Я напомню о группе Леви, о которой у нас много говорилось и на 3-м Конгрессе. Я напомню об Итальянской Социалистической Партии, о которой говорилось не меньше на том же Конгрессе. Мы тогда увидели, что образование истинно-коммунистических партий только начинается. 3-й Конгресс завещал нам великий лозунг—«к массам», и в резолюции о тактике

он формулировал нашу задачу в смысле привлечения на нашу сторону большинства рабочего класса и мобилизации социально наиболее важных слоев пролетариата.

II. Тактика единого фронта.

Из этих условий общего положения вытекает лозунг единого фронта, впервые формулированный нашим Исполкомом в декабре 1921 года.

Товарищи, я думаю, что теперь, после двух расширенных пленумов Исполкома (являвшихся, в сущности, двумя маленькими мировыми конгрессами), события уже достаточно созрели, чтобы даже во Франции коммунисты, равно как и синдикалисты, прекратили свою оппозицию по отношению к тактике единого фронта, и что, таким образом, на этом Конгрессе нам не придется слишком много говорить об этой тактике. Ясно, что наш Исполком поступил правильно, провозгласив в декабре 1921 года лозунг «к массам» и перейдя, при создавшемся положении, к тактике единого фронта. В сущности, вся наша тактика была не чем иным, как практическим приспособлением тактики единого фронта к конкретным условиям отдельных стран. И я должен сказать, что, по моему мнению, эта тактика останется без изменений в течение ближайшего года или даже в течение ближайших лет.

Тактика единого фронта была, в сущности, первой попыткой международной кампании, предпринятой Исполкомом в крупном масштабе. Вам из-

вестно,—ведь, об этом говорилось неоднократно,— что Коммунистический Интернационал должен быть Интернационалом активным, Интернационалом действия, централизованной мировой Коммунистической Партией и т. д. В принципе все это совершенно верно, и мы должны на этом настаивать. Но для того, чтобы провести это в жизнь, нам еще предстоит много лет работы. Довольно легко принять резолюцию, в которой говорится, что мы должны организовывать международные выступления, — гораздо труднее осуществить ее на практике. Даже предпринятая нами тотчас же после 3-го Конгресса попытка провести в международном масштабе неделю Коминтерна, — попытка, принципиально ничем не отличающаяся от мероприятий 2-го Интернационала, — даже эта попытка нам не удалась, потому что наши партии еще слишком разнородны, потому что они в некоторых случаях еще не коммунистичны и еще не успели изжить свою социал-демократическую закваску, потому что наши организации еще очень несовершенны, потому что всякое международное выступление сопряжено с большими затруднениями. За истекший год мы пытались провести ряд международных кампаний, например, кампанию в пользу Помгола или в связи с процессом эс-эров. Но наибольшее значение имеет кампания в пользу осуществления тактики единого фронта. И здесь я должен открыто признать, что она натолкнулась на весьма серьезные препятствия. Мы еще подробно поговорим об этом в связи с другими пунктами порядка дня.

Выяснилось, что некоторые группы нашего Коммунистического Интернационала хотят внести в 3-й Интернационал слишком много от практики 2-го Интернационала. Мне кажется, товарищи, что мы не можем воздержаться от протеста против того, что произошло во Франции. В тот момент, когда Коммунистический Интернационал должен был проявить себя, как централизованная мировая организация пролетариата, когда с помощью тактики единого фронта была предпринята грандиозная кампания против 2-го Интернационала, в этот момент в наших рядах должна была господствовать, если не железная, то, во всяком случае, простая пролетарская дисциплина, а этого не было. И я должен сказать, что поведение Французской и отчасти Итальянской партии послужило препятствием для предпринятой нами международной кампании. Нам следовало бы учесть это и принять соответствующие меры, ибо при всем политическом значении этой кампании она все же не принадлежала к числу тех, которые захватывают сотни тысяч товарищей, и если даже при такой кампании мы наталкиваемся на препятствия, то мы имеем основание опасаться, что, в случае наступления более трудных времен, нам, тем более, придется встретиться с подобными препятствиями.

III. Деятельность отдельных секций Коминтерна. — Германия. — Франция. — Италия. — Чехо-Словакия. — Норвегия. —Польша. — Др. страны.

Мне кажется, товарищи, что самое лучшее будет, если я в своем отчете о деятельности Исполкома буду рассматривать каждую страну в отдельности. При этом я должен сделать одно общее замечание: чем больше старых социал-демократических элементов было принято в наши ряды, тем сильнее сказывались в нашей партии пережитки центризма и социал-демократизма вообще. Вы ясно увидите это из моего краткого обзора.

Начну с Германии. Германия находилась в центре почти всех наших дискуссий на 3-м мировом Конгрессе. Как вам всем известно, положение Германской партии было тогда довольно тяжелое. Наши враги говорили о полном распаде, и даже некоторые из наших друзей слишком уж поддавались впечатлению временных затруднений, нависших над братской Германской партией. Исполком гордится тем, что ему удалось оказать братской Германской партии известную поддержку при разрешении этого тяжелого кризиса. Мне кажется, что мы можем с полным основанием и без боязни преувеличения сказать, что наша Германская партия является на этом Конгрессе одной из самых крепких, прекрасно организованных (конечно, относительно) и политически-сознательных партий. Это должно послужить для

нас утешением, ибо мы знаем, что в настоящий момент некоторые из наших крупнейших партий тоже находятся в весьма затруднительном положении. Например, Французская партия вызывает величайший пессимизм среди многих участников Конгресса. Мне кажется, что, ссылаясь на пример Германской партии, мы можем обнадежить Конгресс и сказать, что если он станет на правильный путь, то можно будет помочь Французской партии и снова поставить ее на ноги. Политическое положение в Германии безусловно революционно и благоприятно для единственной существующей в Германии истино-революционной партии, т.-е. для нашей коммунистической партии.

Слияние Нез. Соц. Парт. и Гер. Соц. Парт., которое мы предсказывали еще в Галле, стало совершившимся фактом. Я до сих пор помню, как в Галле, после знаменитого исторического голосования, мы сказали в нашем последнем слове, что для правых теперь остается только один путь — путь к социал-демократии. Эти слова вызвали большое негодование, упрек в бессовестной демагогии и т. д. Но не нужно было быть пророком, чтобы предвидеть это: было совершенно ясно, что те, кто не желает перейти к коммунизму, должны в эту эпоху гражданской войны стать социал-демократами. Теперь это стало совершившимся фактом. Я думаю, что этот факт имеет положительную ценность для революционного движения. Товарищ Ленин был прав, говоря в своей приветственной телеграмме Конгрессу, что объединение 2-го и $2^1/_2$ Интерна-

ционалов составляет шаг вперед в революционном движении. Чем меньше фикций, чем меньше обмана и иллюзий, тем лучше для рабочего класса. Я думаю, что мы в Германии в ближайшем будущем почувствуем, что это объединение действительно является для нас шагом вперед. Для таких старомодных революционеров в Германии, как старик Ледебур, останутся теперь — мы это знаем совершенно определенно — только две дороги: или с коммунистами, или с социал-демократами. Германский пролетариат убедится в этом через несколько месяцев.

Задавая себе вопрос, какие партии лучше всего применили на практике тактику единого фронта, надо сказать, что это были Германская и Чешская партии, — конечно и это лишь относительно. Нам много раз приходилось констатировать, что Германская партия не всегда в достаточной мере подчеркивала самостоятельность нашей собственной тактической линии, в то время, как для нас во всей тактике единого фронта главным моментом является сохранение свободы коммунистической агитации. Это не всегда удавалось, но в общем Германская партия вполне правильно применяла эту тактику. Такие забастовки, как забастовка железнодорожников в Германии, были классическим примером правильного применения тактики единого фронта; в то же время эта забастовка дает пример того, как из каждой экономической забастовки может вырасти политическая. Я прочитал в одной статье в немецком журнале «Интернационал», что IV Конгресс

должен ясно установить, каковы перспективы развития событий в Германии. Предстоит ли в Германии эпоха обостренной экономической борьбы или обостренной политической борьбы? Такая постановка вопроса совершенно неправильна. Наступает эпоха обостренной экономической борьбы и **вместе с тем** обострение политической борьбы. Забастовка железнодорожников совершенно ясно и определенно показала, что в данной обстановке почти каждый экономический конфликт превращается в политический конфликт.

Вы знаете о начавшемся теперь движении фабзавкомов, которому, несомненно, предстоит большое будущее. Социал-демократы обвиняют нашу партию в том, что она хочет созвать съезд фабкомов, чтобы таким образом поставить Германию перед совершившимся фактом, как это сделали в 1917 г. созывом съезда Советов большевики (которые, однако, тогда уже свергли господство буржуазии). Однако, Германская партия, к сожалению, еще не заслуживает этого упрека или, скорее, комплимента. Коммунистическая партия в Германии, к сожалению, еще недостаточно сильна, чтобы сделать то, что сделали большевики. Все же эта кампания будет иметь чрезвычайно большое значение, — она послужит началом кристаллизации.

Численно наша партия в Германии не очень выросла. Вообще характерное явление, наблюдавшееся в этом году, заключается в том, что партии, политическое влияние которых в массах

усилилось, не возросли в той же мере численно. Это вызвано различными причинами, как, напр., безработицей, бедственным положением рабочих, которые не могут уплатить даже ничтожного членского взноса. В то же время имеются и причины политического характера. Лучше всего это можно видеть в Германии. Никто не станет отрицать, что политическое влияние нашей Германской партии весьма заметно усилилось. Тем не менее, число ее членов не особенно возросло. Я сказал однажды на съезде РКП, что Германская партия должна поставить своей задачей довести число членов до миллиона. Но достигнуть этого будет не легко. Я не хочу сказать, что пролетарская революция должна быть отложена до тех пор, пока мы не наберем этого миллиона. Я помню, что, напр., Российская партия в тот момент, когда вспыхнула пролетарская революция, насчитывала самое большее 250.000 членов; таким образом, Германская партия уже теперь относительно больше, чем Российская в 1917 г. Но мы можем быть уверены, что процесс разложения Германской социал - демократии будет протекать быстро. Мы чувствуем, что решающие события в Германии могут произойти гораздо раньше, чем ожидают многие из нас. В нашей Германской партии есть разногласия, много их еще нужно преодолеть. Так, например, мы видели, что в вопросе о программе на последнем заседании Центрального Комитета не было полного единомыслия. Но если сравнить теперешнее положение с положением партии

14 месяцев тому назад, то мы должны будем признать, что Германская партия сделала колоссальный шаг вперед. Если события не вводят нас в заблуждение, то дорога мировой пролетарской революции проходит через Германию. Таким образом, оздоровление нашей Германской партии имеет первостепенное политическое значение. В Германии мы имеем дело только с двумя партиями: группе Ледебура мы предсказываем, что через несколько месяцев она будет или с коммунистами, или превратится в круглый нуль. Подождем развития событий. Ясно, что в Германии перед нами только две значительные партии, и будущее принадлежит нашей партии.

Организационная связь Исполкома с Германской партией была лучше, чем с какой-либо другой партией; этим не сказано, что она была идеальной. Было много дефектов отчасти по вине Исполкома, отчасти по вине Германской партии. Но все же связь была довольно крепка, и почти ни одно политическое событие не прошло без обмена мнений между Исполкомом и Германской партией.

Перехожу к Франции. О ней мы еще сможем поговорить особо. Но я не могу обойти ее и в общем докладе. Несколько месяцев тому назад я написал статью: «Рождение коммунистической партии». Там я говорил, что рождение коммунистической партии — дело очень трудное. И вот, товарищи, если присмотреться к событиям во Франции, как они развиваются после Парижского Конгресса, приходится сказать, что рождение коммунисти-

ческой партии во Франции еще труднее, чем можно было предвидеть. Здесь перед вами конкретизуется выставленная мною формула: чем больше социал-демократических элементов мы восприняли из старой партии, тем больше трудностей нам придется преодолеть. Это же вы увидите и на примере Норвегии, а может быть, и других стран. Во Франции к нам сразу примкнуло большинство старой партии, и теперь нам нужно немало времени, чтобы излечить все недуги, вызванные этим фактом. Важнейший политический вывод, сделанный Исполкомом и его представителями, многие из которых, как, например, Эмбер-Дро, провели во Франции почти полгода, заключается в том, — это нужно сказать открыто, — что большое количество коммунистических элементов мы должны искать в рядах лучшей части синдикалистов, — коммунистов-синдикалистов. Это, быть может, странно, но это так.

Традициями французского рабочего движения объясняется тот факт, что теперь, в 1922 году, после того, как коммунистическая партия существует там уже два года, мы все же вынуждены констатировать следующее: значительное число коммунистов, которые составят лучшую часть нашей будущей коммунистической партии, пока еще находятся вне коммунистической партии, в рядах профессиональных организаций. И я думаю, что одна из важнейших задач нашего конгресса и французской комиссии должна заключаться в том, чтобы привлечь к нам эти действительно

пролетарские, действительно революционные и по существу коммунистические элементы. Традиции во Франции таковы, что на партию смотрят, как на партию политиканов. И необходимо, к сожалению, сказать, что такой взгляд не лишен оснований. (Внимание! Внимание!)

На III Конгрессе мы слишком мало критиковали Французскую партию. Она была слишком молода, и нам приходилось на этом Конгрессе заниматься другими вопросами. Это, быть может, также была ошибка Исполкома, с этим можно согласиться, но факт остается фактом: слишком мало критиковали Французскую партию мы на III Конгрессе, и это послужило ей во вред.

Еще три или четыре месяца тому назад вожди Французской партии занимали по отношению к Исполкому позицию критиков слева. Они критиковали тактику единого фронта, обвиняя Исполком в оппортунизме. Я не знаю, многие ли из членов Коммунистического Интернационала были так наивны, чтобы поверить, что критика Французской партии действительно исходит слева. Я думаю, что лишь немногие члены Коммунистического Интернационала этому поверили. Но все же хорошо, что это время теперь осталось позади.

Французская партия не сумела применить тактику Коммунистического Интернационала в стране, где события особенно настойчиво диктовали ее применение. Я уже привел несколько цифр относительно забастовок во Франции. Эти цифры показывают, что, если бы партия обладала чутьем

и пониманием действительных движений масс, действительных пролетарских движений, она почувствовала бы также необходимость единого фронта и тотчас же приняла бы эту тактику за исходный пункт своего воздействия на массы. Буржуазия во Франции ведет планомерную борьбу против 8-ми-часового рабочего дня, и я должен вам открыто сказать, что Исполкому не удалось побудить нашу Французскую партию начать планомерную контр-атаку. Наша попытка открыть во Франции кампанию в смысле единого фронта в защиту 8-ми-часового рабочего дня не имела успеха.

Я напомню о последней всеобщей забастовке, которую мы наблюдали во Франции. Здесь также нужно открыто сказать всю правду. Мы привыкли к тому, что в 1918 году чуть не каждый день объявлялась всеобщая забастовка, хотя никто этих забастовок не замечал. Это были худшие дни синдикализма, и я думаю, что одна из важнейших задач нашей партии должна была бы заключаться в том, чтобы искоренить эту традицию. К сожалению, наша партия сохранила эти худшие традиции вплоть до настоящего времени: всеобщая забастовка, к которой были призваны французские рабочие несколько недель тому назад, была объявлена под давлением ничтожной кучки анархистов. Наша газета «Юманитэ», самая большая рабочая газета во Франции, была использована для того, чтобы призывать рабочий класс к забастовке в момент, когда наша партия совсем не была к этому подготовлена. Теперь

мы должны сделать все необходимые выводы из этой уже закончившейся забастовки; мы должны добиться того, чтобы отныне во Франции никогда не могли повториться подобные вещи. Рабочий класс находится в трагическом положении. Нельзя допускать, чтобы наша партия, являющаяся секцией Коммунистического Интернационала, давала свое согласие на такие забастовки и тем самым принимала столь тяжелую ответственность на себя и вместе с тем на нас.

Французская партия на своем Конгрессе еще раз единогласно одобрила 21 пункт. Я немного забыл эти пункты и сегодня прочитал их еще раз. Первое условие этих 21 пунктов заключается в том, чтобы печать была действительно коммунистической. Я должен открыто признать, что во Франции этот первый пункт 21 условия еще не выполнен. «Юманитэ» стремилась стать коммунистической газетой, но пока еще не является таковой. Она пользуется весьма широким распространением, имеет за собой много выдающихся заслуг в некоторых областях, — это необходимо признать, — но это еще не коммунистическая газета, и IV Конгресс должен начать с того, чтобы на деле осуществить по крайней мере этот первый пункт 21 условия. Я надеюсь, что это нам и удастся.

Во Французской партии, как вы знаете, в настоящее время имеются 3 главных и 2 второстепенных течения. Я не буду их характеризовать каждое в отдельности. В общем, они представляют собой следующую картину: во-пер-

вых, группа центра. Раньше мы говорили о ней, это именно центр, а не центристы. Но это было, пожалуй, слишком снисходительно по отношению к французским товарищам. Они не центристы до конца, но сильный налет центризма приходится констатировать. Таким образом, здесь на-лицо и то, и другое — и центр, и центризм. Мы должны теперь попытаться сохранить центр и выставить за дверь центризм. Это по большей части вожди, перешедшие к нам из старой партии, имеющие большие заслуги перед Коммунистическим Интернационалом, но не могущие до сих пор совлечь с себя социал-демократического Адама. Кто прочтет последние передовицы т. Марселя Кашена о профсоюзах, тот должен будет сказать, что эти статьи немногим лучше, чем статья, написанная Верфейем, — которого мы исключили на Парижском Конгрессе.

Второе течение—серединное, это—группа Рену. Мы должны сказать, что здесь есть много хороших пролетариев; многие из них искренне критиковали тактику единого фронта, считая ее оппортунистической, но в конце-концов убедились в правильности нашей тактики и перейдут к нам.

Третье течение — истинно-коммунистическое. Мы готовы полностью признать все, что товарищи из этого течения сделали. На Парижском Конгрессе они совершили большие ошибки.

Я лично считаю отставку наших ответственных левых товарищей грубой ошибкой, но нужно все же сказать, что моральная поддержка Ком-

мунистического Интернационала принадлежит этой группе, и мы окажем ей эту поддержку.

Эта группа начала борьбу за единый фронт; она сделала при этом, быть может, много ошибок, но она была единственной, действительно защищавшей марксистскую тактику единого фронта во Франции и привела к ее победе.

Я должен заявить, основываясь на первых переговорах с этими товарищами, что мы убедились в возможности избегнуть раскола, и само собой разумеется, что Коммунистический Интернационал сделает все, чтобы действительно его избегнуть. Но на этом примере мы ясно видим, с какими трудностями происходит рождение Коммунистической Партии. Примите во внимание, товарищи, что Французская партия не провела еще ни одного единственного массового выступления; подумайте, что нам придется пережить, когда такое массовое движение произойдет. Я напомню вам, что подлинная диференциация в Германской коммунистической партии наступила только тогда, когда дело дошло до выступления. (Возглас с немецких скамей: «Правильно».) Можно спорить о том, была ли эта диференциация дурной или хорошей, но она наступила лишь тогда, когда произошло выступление. Безусловно, выступление было целительным бальзамом для партии. Оно ее спасло и вылечило, но оно было также исходным пунктом для новой диференциации. Не следует пророчествовать, но когда во Французской партии дело дойдет до настоящего массового высту-

пления, при котором вопрос будет итти о жизни и смерти, тогда мы переживем настоящую диференциацию в этой партии, лишь тогда мы увидим, кто действительно достоин принадлежать к коммунистической партии.

По моему мнению, задача IV Конгресса отнюдь не состоит в том, чтобы осторожно проходить мимо всего этого, как это делал III Конгресс, а в том, чтобы ясно высказать то, что есть, и тем самым оказать моральную поддержку тем товарищам, которые являются подлинными коммунистами. Это не значит, что мы хотим исключить других товарищей из Интернационала, но мы должны им ясно показать, что нужно, чтобы стать настоящим коммунистом.

Я перехожу к Италии. Французский пример можно было бы смело включить в школьный учебник тактики коммунистических партий и Коммунистического Интернационала. Но если когда-нибудь действительно будет выработан элементарный учебник тактики коммунистической партии, то я думаю, что важнейшую главу этого учебника, самый главный пример для него, даст Италия. Она не является классической страной коммунистического движения, и все же мы видим, что многое там разыгрывается с такой классической необходимостью, как ни в какой другой стране.

Мы видим, что Италия все же стоит на пороге революции. Осенью 1920 г. Италия представляла собой одну из вершин коммунистического движения. Наше разногласие с Итальянской партией

состояло тогда не в том, что мы говорили итальянским товарищам: вы должны во что бы то ни стало немедленно произвести революцию. Коммунистический Интернационал никогда не говорил этого Итальянской партии. Рассуждая теоретически, вполне возможно, что если бы наша партия взяла власть в Италии осенью 1920 г., то там повторился бы венгерский пример. Я не утверждаю, что это было неизбежно; я не знаю, была ли бы возможной блокада, я даже сомневаюсь в этом, но это не было исключено. Возможно, повторяю, что если бы мы захватили власть в Италии в 1920 году, мы пошли бы по тому же пути, что и в Венгрии.

Может быть было вполне правильным не брать власть в этот момент. Если бы большинство стало на эту точку зрения, то мы были бы не вправе порывать с Итальянской Социалистической партией из-за этого вопроса.

Разрыв произошел не из-за того, что она не хотела брать власть. Мы стояли тогда на такой точке зрения: обстановка революционная, нужно готовиться ко всем возможностям и, в первую очередь, нужно устранить реформистов, чтобы создать действительно революционную партию. Поэтому мы требовали исключения тех, кто саботировал революцию; но Коммунистический Интернационал отнюдь не требовал от Итальянской партии, чтобы она подняла восстание осенью 1920 г. и взяла власть в свои руки. Противоположное утверждение исторически неправильно. Вы знаете, что Дарагона сейчас

открыто признал, что реформисты оставались в партии, чтобы предотвратить революцию. Поэтому-то их и нужно было исключить. Дело шло лишь о подготовке партии к возможности революции, а не о том, чтобы там немедленно была произведена революция.

Как вы знаете, большинство Итальянской партии не выполнило нашего требования об исключении реформистов.

Оно не хотело подготовить революционную партию, не хотело разрыва с этими агентами буржуазии. Это выражение «агенты буржуазии» вызвало много шуму; когда мы в одной телеграмме назвали реформистов агентами буржуазии, наши друзья в Италии проливали кровавые слезы над моей бестактностью. Но после всего того, что Дарагона сам признал и открыто высказал, я думаю, что наименование реформистов агентами буржуазии является самым деликатным названием для этих господ: я не знаю, как можно назвать их еще деликатнее. Итак, реформисты—эти агенты буржуазии—остались в Итальянской партии и сделали все возможное, чтобы погубить революцию и выдать рабочий класс контр-революции.

Среди итальянских товарищей спорят о том, что сейчас собственно произошло в Италии: государственный переворот или комедия. Может быть, и то, и другое. В историческом масштабе это — комедия. Через несколько месяцев создавшееся положение разрешится в пользу рабочего класса Италии, но в настоящий момент это вполне

серьезный переворот, вполне серьезный контрреволюционный акт. Итак, вина наших товарищей в Италии состоит не в том, что они в 1920 году, в тот или иной момент не произвели революции, но их вина и в известном смысле их преступление заключается в том, что они оставили пособников буржуазии внутри партии и дали им возможность произвести классическую измену и предать рабочий класс в руки фашистов.

Вы знакомы с той тактикой, которую Исполком применил в итальянском вопросе. Вы знаете, что на III Конгрессе много спорили о том, правильно ли мы действовали в Ливорно. Я думаю, сейчас ясно, что мы действовали правильно, как в Ливорно, так и в течение последнего года. Наша коммунистическая партия в Италии во многих случаях действовала в итальянском вопросе против тактики Исполкома. Но я думаю, товарищи, что наша тактика была и осталась правильной, что мы должны были действовать так, как мы действовали, что мы должны были в тот момент, когда это было необходимо, с железной решимостью порвать с Итальянской Социалистической Партией, так как, если бы мы этого не сделали, мы погубили бы Коммунистический Интернационал. Но в тот момент, когда мы увидели, что члены Итальянской Социалистической Партии признали свою вину и хотят ее загладить, в этот момент мы должны сделать все, чтоб облегчить им возвращение в Коммунистический Интернационал. Совершенно ясно, что, что бы ни произошло в ближайшие месяцы,

большая часть рабочих, которые теперь еще примыкают к максималистам, будут принадлежать к Коммунистическому Интернационалу. И так как они будут с нами, мы должны сделать все, чтобы братски облегчить им возвращение к нам. Для этого мы и являемся Коммунистическим Интернационалом, для этого-то мы и существуем, чтобы в тот момент, когда часть рабочего класса, секция Коммунистического Интернационала, признала свое заблуждение и снова хочет притти к нам, облегчить ей путь. Конечно, мы должны требовать гарантий, и мы потребуем их. Недопустимо повторение таких вещей, какие произошли в Италии. Коммунистический Интернационал должен иметь серьезную гарантию того, что там ничего подобного не повторится. Но вместе с тем мы должны сделать все, чтобы снова об'единиться с этими товарищами.

Я слышал, что во Франции многие товарищи придерживались такого мнения: пожалуй, уж не так опасно порывать с Коммунистическим Интернационалом. Нас немного поругают, но на V или VI Конгрессе нас все же снова пригласят и объединятся с нами. При этом они имели в виду итальянский пример. Что это значит, товарищи? Те, кто так рассуждают, просмотрели одну мелочь, именно, что тем временем Итальянская партия почти погибла и что итальянский рабочий класс был предан в руки его злейших врагов — фашистов. Они рассматривают все дело только с личной точки зрения: сегодня меня ругают, но через год я все же смогу вернуться

обратно, и меня, пожалуй, примут. А то, что при этом гибнет партия, гибнет рабочий класс, является для них делом второстепенным. Я думаю, что такая точка зрения возможна только у отдельных лиц и не мыслима для большинства Французской партии.

Урок Итальянской партии состоит не в том, что тот или иной вождь спорил с нами в течение двух лет и теперь прибыл в Москву, — это второстепенное дело. Вопрос о личностях не играет роли. Не в этом состоит урок Итальянской партии. Урок гораздо более глубок и заключается в следующем: кто отдал реформизму палец, — у того он заберет всю руку. И кто совершил такие ошибки, тот губит свою партию и причиняет величайший ущерб рабочему классу своей страны.

Нам придется объясняться не только с максималистами, но и с коммунистами Италии.

Наши мнения по многим вопросам расходятся. Они приняли программу, которая не является марксистской. Мы критиковали и отклонили ее. И подобные ошибочные воззрения глубоко коренятся в Итальянской партии. Налет абстенционизма остался в коммунистической партии Италии. Наш друг Бордига имеет весьма большие заслуги в итальянском движении. Наши итальянские товарищи храбро боролись. Они сделали все, чтобы высоко держать знамя Коммунистического Интернационала в самых затруднительных положениях. Наш долг признать эти заслуги Итальянской партии и, в первую очередь,

заслуги тов. Бордиги. Но мы должны в то же время сказать, что мы все-таки серьезно расходимся во взглядах с Коммунистической Партией Италии. Налет абстенционизма в Итальянской партии все же остался. Бордига не выступает теперь в защиту антипарламентаризма,—он подчинился, но прежний дух остался. Это мы видели в новой программе партии и в вопросе о тактике единого фронта.

Что касается тактики единого фронта, руководящие круги Итальянской партии стоят еще на той точке зрения, что эта тактика допустима в экономической области, но не допустима в области политической. Это, по нашему мнению, —абсурд. Одно неотделимо от другого. Мы не сумели правильно применить в Италии тактику единого фронта. Лозунг рабочего правительства был выдвинут в Италии слишком поздно. Я лично сделал ошибку, не уступив тов. Бордиге и не допустив открытой дискуссии по итальянскому вопросу на последнем расширенном заседании Исполкома. Это была ошибка. Нужна была открытая дискуссия.

Тем не менее, мы имеем в лице Коммунистической Партии Италии один из храбрейших отрядов Коммунистического Интернационала, одну из лучших его партий. Именно в этот затруднительный момент выяснится, на что способна эта партия. Я читал сегодня нелегальное воззвание Коммунистической Партии Италии и получил первое нелегальное издание центрального органа нашей партии. Это доказывает, что

в самом тяжелом положении Итальянская партия не выпустила из рук оружия (шумные аплодисменты). Мы избрали итальянскую комиссию. Она должна будет изучить два вопроса: 1) объединение партии и 2) каким образом должны быть реорганизованы наши силы в эту эпоху фашизма. Мы не знаем, как долго продлится эта эпоха, но мы должны приготовиться к наихудшему.

Теперь — о Чехо-Словакии. В Чехо-Словакии Исполком — само собой разумеется, с ревностной помощью самой Чехо-Словацкой партии, с успехом провел объединение. Во время III конгресса мы имели две партии, несколько групп. Еще не было ясно, окажется ли возможным организовать одну сплоченную партию в этой стране, где национальный вопрос играет большую роль. Это нам удалось.

В вопросе о профсоюзах мы сделали много упущений. Но тем не менее, нашей партии в общем удалось привести под красное знамя большинство организованных в профсоюзы рабочих. Тактика единого фронта была применена Чехо-Словацкой партией, можно сказать, образцово. Следя за буржуазной прессой Чехо-Словакии, читая в враждебных нам органах сообщения о развитии событий, мы должны признать, что наша партия правильно маневрировала, что ей удалось привлечь на нашу сторону большие группы рабочих, принадлежавших к враждебным организациям. Мы надеемся, что практическое применение тактики единого фронта в этой стране и в дальнейшем будет блестяще.

Как вам известно, существует пункт, в котором мы до известной степени расходимся во мнениях с Чехо-Словацкой партией (возможно, что эти расхождения имеются и в интернациональном масштабе, — это мы увидим). Речь идет об исключении так наз. оппозиции. Мы назначили комиссию, которая займется этим вопросом. Но я не могу отказаться от мотивировки нашей точки зрения в этом вопросе. Чехо-Словацкая братская партия на своей партийной конференции исключила за нарушение партийной дисциплины 7 членов Центрального Комитета, в том числе бывшего председателя его Штурца. Это явилось совершенно неожиданным для Исполкома, мнение которого не было запрошено. Исполком счел своим долгом тотчас же аннулировать это постановление, из чего, однако, еще не следует, что оппозиция была права. Исполнительный Комитет разделяет точку зрения большинства партии. Мы не хотим называть эту оппозицию левой оппозицией, и мы не намерены оказывать ей политическую поддержку, но мы думаем, что исключение было произведено чересчур поспешно и что последнее средство еще не было применено. В разгаре политики была сделана попытка сравнить вину этой группы с виной г. Леви.

Вина ее состоит в том, что она выпустила воззвание, несмотря на запрет Центрального Комитета. Это несомненно является шагом, который не мог быть одобрен с точки зрения коммунистической партийной дисциплины. Но сравнивать это нарушение дисциплины с поступком

Пауля Леви — неправильно. Леви предал рабочий класс в тот момент, когда наши братья расстреливались. В этот момент Пауль Леви написал брошюру для германского прокурора. Это было предательством рабочего класса, на которое может быть только один ответ: исключение из партии. Но то, что сделали товарищи в Чехо-Словакии, хотя и являлось тяжелым нарушением дисциплины, но не имело совершенно ничего общего с предательством. Мы должны приложить все усилия, чтобы удержать эту группу в рядах партии, но, конечно, под условием, чтобы нарушения дисциплины впредь не повторялись, чтобы принятые постановления действительно проводились в жизнь. Мы должны иметь дисциплинированную партию, но мы не можем с такой легкостью исключать даже самую маленькую группу рабочих до тех пор, пока не доказано, что были испробованы все пути к соглашению. А это в данном случае не доказано. Мы надеемся, что товарищам, которых мы пригласили, ясно, что Исполком пригласил их не для того, чтобы приветствовать их криками «браво» и сказать им: «вы можете попирать ногами дисциплину». Напротив того, товарищи приглашены, чтобы сделать попытку ввести их в партию и сказать им, что дисциплина — это святая святых в партии. Если окажется, что товарищи не в состоянии соблюдать пролетарскую дисциплину, тогда, конечно, ничего нельзя будет сделать. То, что постановит Конгресс, будет законом и для этой группы товарищей.

Острота положения усугубляется еще благодаря тому, что мы имеем в Чехо-Словакии уже 600.000 безработных. Нищета рабочего класса ужасна, и недовольство рабочего класса велико. Массы ожесточены. Образовать теперь синдикалистскую группу, «Коммунистическую Рабочую Партию» по образцу германской К. А. Р. D. очень нетрудно, и оппозиция должна ясно понять, что она может образовать такую группу и что последняя может прозябать, пожалуй, полгода, но что она лишь принесет вред рабочему классу и политически опозорит себя. Мы должны видеть вещи таковыми, каковы они в действительности. В такой стране, как Чехо-Словакия, с такой ужасающе высокой цифрой безработных, мы должны сделать все, чтобы предупредить образование особой Коммунистической Рабочей Партии. Коммунистический Интернационал должен сделать все, чтобы избежать этого. И я надеюсь, что это ему удастся.

Я перехожу теперь к норвежскому вопросу. Я уже раньше сказал, что, чем больше элементов мы получили из старого движения, тем с большими затруднениями связано нарождение подлинной коммунистической партии. В Норвегии мы получили почти всю старую партию, и там мы испытываем теперь большие затруднения, которые я не хочу скрывать. Положение тут приблизительно то же, что и во Франции. Существует, конечно, большая разница, но основная причина одна и та же. Во Франции мы переняли очень много традиций старой партии.

В Норвегии живы сильные федералистические традиции, и принцип организации очень своеобразен. Партия до сих пор базировалась на профсоюзной организации. Еще в Галле мы имели совещание с тов. Кирре Греп, вождем Норвежской партии и с другими товарищами, которые уже тогда обещали нам реорганизовать партию. Это до сих пор не сделано. До сих пор не изменили даже названия центрального органа. Газета партии и поныне носит название «Социал-демократ» (возглас: слушайте! слушайте!) и провинциальные органы партий также называются «Социал-демократ» (новые возгласы: слушайте! слушайте!). Как вы видите, уже давно пора и в этой стране принять необходимые меры и провести в жизнь требования Коммунистического Интернационала.

Мы не должны бояться заявить, что мы—коммунистическая партия. И все же у нас есть партии, которые еще не совсем сбросили с себя социал-демократизм. Мы родились из лона II Интернационала и переняли много его традиций, которые не могут быть вытравлены в один день. Но если этот день продолжается несколько лет, то мы должны требовать ускорения этого процесса. В наших газетах в Норвегии мы можем прочесть статьи, в которых, например, оказывается поддержка шейдемановцам против германских коммунистов. В то же время мы имеем там синдикалистские пережитки в худшем смысле этого слова. Товарищ Траммель принадлежал прежде к I. W. W., и у него остались еще

кое-какие синдикалистские традиции. Он не может понять необходимость дисциплины. В одной статье он пишет: «Дисциплина, дисциплина, я не могу терпеть этого слова. В нем есть нечто унизительное для человеческого достоинства». И это говорит один из наших товарищей, не интеллигент плохого разбора, а честный, искренний борец, принадлежащий к рабочему классу. Тем не менее, традиции сильнее его самого,— они настолько сильны, что могли довести одного из наилучших товарищей в Норвегии до таких заявлений. Там существует группа академиков, напоминающая французскую группу «Клартэ», эта группа издает журнал «Mot Dag», отстаивая в нем те же принципы, что и группа Леви. А наша партия терпит такую группу и не вмешивается.

В этом году мы должны действовать решительно. Мы имеем здесь представителей меньшинства Норвежской партии и мы твердо убеждены, что нам удастся единогласно, или по крайней мере, большинством голосов достигнуть необходимых результатов. Норвежские товарищи, вы должны уяснить себе, что Коммунистический Интернационал не может более мириться с положением, существовавшим до сих пор. Мы умеем ценить заслуги Норвежской партии. Она срослась с рабочей массой. Она имеет товарищей, абсолютно преданных пролетарской революции. Но она должна окончательно освободиться от социал-демократических пережитков. Она должна, наконец, понять, что она не может сделаться

истинной коммунистической партией, пока не покончит со всеми этими пережитками.

Перехожу к Польше. В Польше мы имеем нелегальную массовую партию. Проблема координации легальной и нелегальной организации— очень важная проблема, и опыт последних лет показал, по моему мнению, что координация не так проста, как мы себе этот вопрос представляли. Русские коммунисты имели опыт 1905—6 г.г. Мы думали: где невозможна легальная партия, там должна быть проведена координация легальной и нелегальной организации, причем руководство должно принадлежать последней. Но опыт различных стран показывает нам, что с этой координацией дело обстоит не так просто.

В Польше это было возможно, и в Польше это удалось. Там у нас имеется нелегальная партия, которая в то же время является, однако, и массовой партией. Там у нас нет почти ничего легального, имеется лишь маленький росток легальности. В Польше это возможно, потому что Польская партия уже проделала революцию, потому что в 1905 г. она вела за собой рабочий класс, потому что руководящее ядро—нелегальное—уже однажды боролось в авангарде всего рабочего класса. Она пользуется всеобщим признанием. Она доказала свою пригодность в период революции. В Польше это удается; в других странах, как, например, в Америке, это значительно труднее, потому что там нелегальная партия еще не выступала на арене в качестве вождя всего рабочего класса, потому что там

руководящие кадры не пользуются такой известностью. Там соотношение, координация между легальным и нелегальным совершенно иные.

В Польше, как я уже говорил, у нас имеется нелегальная массовая партия, партия старая, имеющая славное прошлое. И все же есть некоторые пункты расхождения между Исполкомом и Польской партией и по весьма существенным вопросам,—аграрному, национальному и отчасти по вопросу о едином фронте. Аграрный вопрос мы обсудим особо с нашими польскими товарищами. В рядах наших польских товарищей долгое время брали верх, по моему, старомодные, почти социал-демократические взгляды по аграрному вопросу. Я напоминаю товарищам о позиции, занятой II Конгрессом по этому вопросу. Мы тогда выработали платформу и предложили, в целях привлечения на свою сторону крестьянства, обсудить проблему распределения земли. Мы натолкнулись отчасти на оппозицию со стороны итальянских социалистов. Теперь фашисты доказали, что они прекрасно умеют использовать такую программу в своих демагогических целях. Нам дорого обошлись заблуждения наших итальянских товарищей. Мы можем дорого поплатиться также и за заблуждения польских и других товарищей. К счастью, в Польской партии замечается поворот, и мы надеемся, что сговоримся с Польской партией по аграрному вопросу и выработаем такую программу действия, которая будет обладать притягательной силой для крестьянства. Коммунистическая партия — рабочая

партия, но это не должно означать, что она выставляет лишь рабочие требования: будучи партией рабочего класса, она в то же время умеет вести за собой в борьбе с буржуазией все угнетаемые слои населения.

Подобные же разногласия с польскими товарищами имели место по национальному вопросу. Надеемся, что и здесь разногласия будут изжиты.

Что касается вопроса о едином фронте, то лишь меньшинство, если не ошибаюсь, незначительное меньшинство Польской партии было противником единого фронта. И все же представляет большую важность то обстоятельство, что и в одной из старейших партий возникла подобная оппозиция.

Мы убеждены, что Польская партия сама должна изжить это разногласие и, по всей вероятности, его уже изжила. Но разногласия эти все же имели место и доказали, как затруднительно практическое применение тактики единого фронта.

О Балканах я скажу немного. Должен заметить, что наша Балканская Федерация плохо работает. Как организация, Балканская Федерация почти не существует. Съезды нерегулярны; я полагаю, мы должны настоять, чтобы, в интересах усиления Балканской Федерации, Болгарская партия уделяла этому вопросу больше внимания.

Несколько слов о Румынии. Наша обязанность в отношении румынских товарищей сказать Конгрессу, что эти товарищи, несмотря на все преследования, честно выполнили взятые на себя обязательства. Вам уже известно, что весь съезд Румынской партии — несколько сот товарищей —

отправился в тюрьму прямо из зала заседаний. Некоторые из них были расстреляны, другие и по сей день находятся в тюрьме. Социал-демократия заключила бессовестную сделку с буржуазией, направленную против этих коммунистических элементов, — тем крупнее заслуга наших румынских друзей, оставшихся и в этих трудных обстоятельствах верными знамени Коминтерна и достойно выполнивших свой долг и обязанность.

В Юго-Славии нам предстоит пережить кризис. Там тоже возникла проблема легальности и нелегальности. Проблема еще не разрешена. Мы стоим перед лицом крупных трудностей. Но мы видим, что и в Юго-Славии дело подвигается вперед. Началось новое движение в профсоюзах, и мы надеемся, что к нашей партии вернется ее былая сила. Разногласия, возникшие в Юго-Славии, будут еще обсуждаться в специальной комиссии.

В Англии, играющей чрезвычайно важную роль, развитие нашей партии идет крайне медленно. Быть может, ни в какой другой стране коммунистическое движение не развивается так медленно, как в Англии. Проблема принадлежности нашей партии к Рабочей Партии теперь уже разрешена в положительном смысле. Наша партия решила вступить в Рабочую Партию. По-моему, специальная задача будущего Исполкома—уделять Англии больше внимания, чем это было раньше. Нам нужно заняться изучением Англии. Мы еще не знаем, каковы там причины медленного развития. Англия вообще не страна крупных массовых

организаций. Вам известно, что там нет коммунистической партии, которая насчитывала бы большое количество членов. Там нет у нас ничего похожего на Германию. Там царят своеобразные традиции. Достопримечательно, что, несмотря на крупную безработицу и великие бедствия, переживаемые английским пролетариатом, коммунизм развивается там поразительно медленно. Наблюдается застой, и мы имеем все причины уделить английскому движению больше внимания, чем мы делали это до сих пор.

Нам также удалось послать делегата в Америку, который пробыл там довольно долго, и нам надлежит обстоятельно ознакомиться с опытом движения в целом. Крупнейшую трудность для американского движения представляет проблема координирования легальности с нелегальностью. Там положение совсем иное, чем в Польше, Юго-Славии, Финляндии и Латвии, где мы имели дело с революцией и где вожди рабочего класса уже успели проявить себя и быть признанными. Совершенно иное положение в Америке, где налицо имеется крупное профессиональное движение и где в коммунистической партии существуют резкие фракционные группы. Вот почему американский вопрос особенно труден и требует еще дальнейшего изучения.

В Австрии наша партия, вопреки всем трудностям, сделала довольно значительные успехи.

В Венгрии положение весьма плачевное. Я вижу здесь многих товарищей, которые энергично участвовали во фракционной борьбе и весьма

энергично способствовали ухудшению положения. Да будет позволено мне немного проанализировать их пред лицом Коминтерна. Многие из товарищей, игравших руководящую роль в революции и имевших заслуги в прошлом, ныне сделали все возможное и невозможное, чтобы погубить положение и повредить Коминтерну. Исполком сделал в последнее время энергичную попытку положить конец всем этим раздорам. Я не хочу сказать ничего плохого об эмиграции. Мы знаем из истории, что эмиграция зачастую оказывает сильную помощь делу. Быть может, и Итальянская партия будет вынуждена некоторое время иметь эмиграцию. Иногда мы приходили к тому убеждению, что эмиграция необходима. Но есть эмиграция и эмиграция. Бывают эмиграции, которым после поражения революции приходится изжить очень много тяжелого, но наши венгерские товарищи дали в этой области столько, что уж стало невмоготу. Я полагаю, что IV Конгресс сурово и настойчиво скажет, что мы не только не хотим видеть повторения того, что видали, но не допустим даже и намека на нечто подобное. Несколько недель тому назад там в один только день было арестовано 170 коммунистов. Хотя коммунистическое движение в рабочем классе и идет там по восходящей линии, однако положение нашей партии таково, что хуже и быть не может. В момент, когда рабочее движение находится в периоде подъема, когда буржуазия снова сотнями арестовывает наших товарищей, в такой момент наш долг изжить фракционные

разногласия внутри эмиграции и образовать настоящую нелегальную партию.

Кстати, в Венгрии координация легального движения с нелегальным произойдет легче, потому что там коммунисты имеют серьезную традицию.

В Японии имеется маленькая партия, которая при содействии Исполкома объединилась с лучшими синдикалистскими элементами. Японская партия молода, но имеет крепкое ядро, и теперь ей предстоит выработать свою программу. Состоявшийся в Москве съезд партий народов Дальнего Востока имел громадное значение, в особенности для Японии, потому что здесь впервые имела место важная встреча Коминтерна с крупными деятелями японского движения.

Значительных результатов добились мы в Индии. Я могу сообщить, что работа наших товарищей увенчалась там успехом. Нашим товарищам удалось получить доступ в газеты, проникнуть в профсоюзы, и теперь они находятся по пути собирания коммунистических элементов Индии. Полагаю, что это—крупный шаг вперед.

В течение этого года у нас образовались более или менее сильные ядра в Турции, Китае и Египте. Конечно, не следует питать иллюзий,—это очень маленькие ядра, но все же это шаг вперед, и мы должны помогать тамошним товарищам проводить их двойную работу: во-первых, расширять ядро пролетарского движения, а во-вторых, стать авангардом всего освободительного антибуржуазного движения.

Значительные успехи достигнуты в Австралии и в других странах.

IV. Профинтерн.

Теперь я коснусь Профинтерна. Как вам известно, товарищи, в 1921 году Профинтерну пришлось пережить такую фазу, когда даже в одной из лучших партий — Германской — возникло направленное против него ликвидаторское движение. В Германской партии совершенно серьезно обсуждался вопрос, не является ли Профинтерн недоноском, не надлежит ли его ликвидировать и т. д. Происходило это несомненно под влиянием течения, возглавляемого Леви, но заражены этим были не только последователи Леви. Это было опаснейшим моментом для Профинтерна. Само собой разумеется, что Исполком считал своей обязанностью бороться с ликвидаторским движением. Мы держались того мнения, что Профинтерн ни в коем случае не является недоноском.

Теперь это течение и в Германии и, надеюсь, в других странах целиком изжито, и Профинтерну предстоят крупнейшие успехи. Можно предсказать, что в ближайшие годы, если не в ближайшие месяцы, Профинтерн добьется больших побед. Амстердамцы, как вы знаете, хотят теперь ускорить раскол. Они произвели уже раскол во Франции и в Чехо-Словакии, в Германии мы накануне раскола профсоюсов. Наша задача и задача Профинтерна состоит, по нашему мнению, в борьбе с этой раскольнической тактикой. Нам нужно единство рабочего движения, — амстердамцам нужен раскол рабочего движения. Чем сильнее

будет становиться наше влияние в профсоюзах, тем сильнее будут желать эти люди раскола профсоюзов, тем энергичнее должны мы с этим бороться. Мы должны в этом отношении сорганизоваться и попытаться принять встречные меры. Какие,—надлежит еще обсудить. Но если они вынудят нас выделиться в особую организацию, как вынудили уже во Франции, в Чехо-Словакии, мы должны своей пропагандой добиваться, чтобы те наши профсоюзы, которые родятся в результате этого раскола, родились бы с громким лозунгом единства на устах. Первый крик наших новорожденных профессиональных организаций, родившихся как следствие исключения, должен быть: единство профессионального движения.

Когда австрийским, немецким и другим товарищам приходится организовать в общем масштабе или в пределах одной профессии союз, то первым их паролем должно быть: единство, борьба за единство профессионального движения. Во второй части моего доклада мне придется еще подробно говорить об этом.

Значительные успехи сделало наше движение в области кооперации и организации молодежи. Мне хотелось бы в особенности сказать еще несколько слов об Интернационале Молодежи. Перенесение Исполкома Интернационала Молодежи в Москву оправдало возлагавшиеся на него надежды, тогда как высказывавшиеся опасения оказались лишенными основания. Интернационал Молодежи работал хорошо. Правда, мы должны констатировать в некоторых странах уменьшение

численности организаций, что является тревожным признаком. Германской молодежи, равно как и молодежи других стран пришлось пережить тяжелые времена. Это указывает на общее тяжелое положение рабочего класса. Но, несмотря на все это, Интернационал Молодежи и движение молодежи остаются передовым отрядом Коммунистического Интернационала. После нашего Конгресса у нас состоится Конгресс молодежи, которому мы должны уделить величайшее внимание. Мы должны иметь в виду, что для успеха борьбы наших организаций молодежи требуются новые методы. Мы должны стать огромным большинством. Объединение 2 и $2^1/_2$ Интернационалов нанесет социал-демократам особенно большой ущерб в области движения молодежи. Требуются новые методы, чтобы проникнуть в массы молодежи, ставшие несколько равнодушными. У нас найдется возможность сделать это.

V. Общие итоги.

Вот обзор нашей деятельности за 15 месяцев. Конечно, мы сделали много ошибок, и за эти ошибки вы должны критиковать нас, но мы хотим открыто сказать то, что есть, сказать, хотим ли мы сохранить 21 пункт, или нет. Наши товарищи во Франции, например, критиковали § 9, на основании которого был исключен из партии Фабр. Не думаю, чтоб нашелся хотя один товарищ, который сказал бы, что мы в этом случае неправильно поступили. Это исключение

было абсолютно необходимо. Однако, часть французских товарищей высказала недовольство по поводу этого исключения. Эти товарищи говорят, что мы не имеем на это права, что мы слишком широко толкуем § 9. Конгресс должен сказать, имеем ли мы право применять § 9 так, как мы его применили в данном случае.

Коснемся еще одного вопроса. Исполком постановил, чтобы национальные конгрессы коммунистических партий в виде общего правила происходили после всемирного конгресса. Исключения допустимы. Я не стану настаивать на необходимости выяснения того, насколько это постановление было абсолютно необходимо. Но каков был его смысл? Смысл был следующий. Мы хотим быть централизованной всемирной партией. Мы хотим быть партией, управление которой централизовано. Мы хотим, чтобы Всемирный Конгресс был действительно решающей инстанцией для всех партий. Мы не хотим, чтобы Коммунистический Интернационал был просто сборищем всех партий. Это вызвало резкую критику во Франции.

Но что нам показывает французский пример? Если бы Конгресс состоялся раньше и если бы мы решили созвать Конгресс ранее, что было бы этим достигнуто? Как я уже говорил, я не стану возражать, если вы захотите изменить это постановление. Я готов пойти на это. Но его смысл заключается в том, что мы должны оставаться централизованной всемирной организацией. Мы слишком небрежно проводили в жизнь 21 пункт. Если вы захотите дать нам за это

небольшую нахлобучку, то будете совершенно правы. 21 пункт надлежит проводить теперь значительно строже. Это не следует толковать в том смысле, что до сих пор мы ничего не сделали. Коммунистический Интернационал существует всего $3^1/_2$ года. Товарищи, это слишком короткий срок для того, чтобы организовать в мировом масштабе наши коммунистические партии. Величайшее несчастие не в том, что мы были недостаточно строги; величайшим несчастием было бы, если бы мы смотрели на 21 пункт, как на клочок бумаги. Но, я думаю, настоящий Конгресс скажет, что Конгресс существует для того, чтобы проводить 21 пункт. Мы должны добиться того, чтобы стать действительно интернациональной, мировой партией. В принципе мы всегда были сторонниками ее; нужно, чтобы она стала также действительностью.

Вот отчет о деятельности Исполкома за последние 15 месяцев. О тактике в будущем мне предстоит еще говорить.

VI. Международное положение; экономическое и политическое.

Товарищи, я надеюсь, что тезисы, составленные мною по этому вопросу, уже розданы или скоро будут розданы делегатам. Я ограничусь поэтому комментарием к этим тезисам.

Мы прежде всего должны обсудить следующие вопросы: международное экономическое положение, международное политическое положение и по-

ложение, создавшееся внутри рабочего движения отдельных стран.

Что касается первого вопроса, то, мне думается, нет необходимости на настоящем Конгрессе подвергать коренному пересмотру постановления III Конгресса. В моих тезисах я предлагаю, чтобы IV Конгресс просто утвердил тезисы т.т. Троцкого и Варги об экономическом положении, представленные III Конгрессу. Можно и должно констатировать, что развитие за последние 15 месяцев в основных чертах действительно подтвердило в общем эти тезисы; ход событий действительно оказался таким, каким его в общих чертах предвидели эти тезисы. Правда, мы наблюдаем временный подъем в Америке, Англии, Японии и Франции, быть может, и в некоторых других странах, но совершенно ясно, что это преходящее явление, и т. Варга прав, когда он в своей последней брошюре характеризует положение, как период упадка капитализма. То, что мы сейчас переживаем, это не один из периодических кризисов капитализма, но его окончательный кризис: это сумерки, это распад капитализма. Таким образом, несмотря на улучшение в некоторых странах, мировое экономическое положение остается прежним. Капитализм не в силах найти выход из создавшегося положения. Единственное спасение человечества, единственное спасение производительных сил — в социалистической революции. В этом смысле диагноз остается прежний, и мы спокойно можем повторить то, что было сказано III Кон-

грессом: «объективное положение остается революционным. Капитализм не может внутри самого себя найти те силы, которые помогли бы ему выйти из решающего кризиса всего капиталистического мира».

Далее, о международном политическом положении. В этой области также приходится констатировать, что противоречия обостряются с каждым днем, и международное положение остается объективно революционным. За последние 15 месяцев распад Антанты подвигался вперед огромными шагами. То, что произошло на наших глазах, это фактическая ликвидация Версальского мира, продолжающаяся безостановочно и ныне. Буржуазный пацифизм, имевший в лице Ллойд-Джорджа виднейшего своего вождя, совершенно обанкротился. Конференции в Генуе и Гааге подтвердили банкротство этого буржуазного пацифизма. Избирательная борьба, происходящая сейчас в Англии, свидетельствует о небывалой безыдейности буржуазных партий. Эта схватка между старыми классическими буржуазными партиями в старейшей стране капитализма доказывает, что в их борьбе не осталось ни следа принципиальности. Мы являемся свидетелями полнейшего духовного упадка, борьбы отдельных кучек, которая подчеркивает то, что и без того было ясно, а именно, — полное банкротство буржуазного пацифизма и неспособность буржуазных партий к крупной идейной борьбе.

Борьба в колониальных и полуколониальных странах, являющихся одним из важнейших факто-

ров того процесса, который мы называем мировой революцией, за истекшее время сильно обострилась. Мы видим, что в течение этого периода в целом ряде угнетаемых стран освободительное движение развивается все больше и больше, несмотря на все мероприятия империалистических правительств, и я думаю, что среди нас не может быть сейчас споров о том, что эта борьба, хотя она не носит социалистического и коммунистического характера, все же объективно продолжает оставаться борьбой против капиталистического режима. Широкое движение, которое мы наблюдали за это время в Индии и других колониальных и полуколониальных странах, отнюдь не коммунистично, но объективно оно представляет собою фактор первостепенной важности в борьбе против капиталистического режима.

Буржуазная демократія, сумерки которой мы могли наблюдать уже в течение нескольких лет, распадается с каждым месяцем все более.

Что означают события в Италии? Разве это не неслыханный удар по буржуазной демократии? Не была ли Италия одной из стран благословенной буржуазной демократии? Несомненно, была! Выступление фашистов это удар, нанесенный не только монархической идее, но и идее буржуазной демократии. Ущерб понес не только престиж итальянского монарха, который был фактически какой-то бандой устранен с политической арены, ущерб потерпел также весь режим буржуазной демократии. Нам должно быть ясно, что события, подобные совершившимся в Италии,

это не местное явление. Неизбежный ход событий поведет к тому, что нам и в других странах придется видеть те же явления, хотя, быть может, и в иной форме. Если фашисты удержатся в Италии, что для ближайшего времени вероятно, то совершенно несомненно, что подобные же явления обнаружатся также в Германии, может быть, и во всей средней Европе. Победа правительства Стиннеса в Германии по форме, быть может, не совсем будет сходна с тем, что мы видим в Италии, но по содержанию она может оказаться в кровном родстве с тем, что мы видим в Италии.

То, что переживает сейчас Австрия, тоже весьма сходно с итальянским переворотом: это тоже удар по буржуазной демократии, которая в Австрии до сих пор отстаивалась не только буржуазными партиями и 2-м Интернационалом, но также и $2^1/_2$ Интернационалом.

В Чехо-Словакии приготовления к подобному же контр-революционному перевороту в полном ходу, не говоря уже о Венгрии, на примере которой учились фашисты.

В Балканских странах, особенно в Юго-Славии, мы уже теперь видим те же явления, которые пришлось пережить Италии. Мы должны видеть положение таким, как оно есть. Это особенно необходимо для того периода, который не будет очень долговременным, но который станет периодом испытаний для наших коммунистических партий. Быть может, во всей средней Европе наступит этот период переворотов, носящих в большей или меньшей степени фашистский характер,

вследствие чего наши партии неизбежно должны будут перейти на нелегальное положение. Уже несколько месяцев тому назад Исполком через посредство посланных им товарищей обратил внимание целого ряда наших важнейших партий на необходимость готовиться к нелегальному периоду, который мы видим сейчас в Италии. Политическое положение, создавшееся к моменту IV Всемирного Конгресса, к сожалению, подтверждает это предсказание. Мы должны ясно видеть эту опасность. Я не хочу сказать, что это означает остановку мировой революции. Напротив, мы имеем здесь дело с революционизирующим процессом. Процесс этот не прямолинеен, в нем могут возникнуть различные эпизоды. То, что мы видим в Италии, это акт контр-революции, но в исторической перспективе он означает — обострение ситуации, созревание пролетарской революции в этой стране. То же самое можно сказать о пролетарском движении целого ряда других важных стран.

Итак, вообще говоря, международное политическое положение за истекшее время в значительной мере обострилось. III Всемирный Конгресс был совершенно прав, говоря, что не существует устойчивого равновесия в капиталистической Европе, и отмечая, что крупные события, парламентские конфликты, крупные забастовки и т. д. очень легко могут привести к революционным боям. Картина, которую мы в самых общих чертах нарисовали перед вами, показывает, что этот диагноз был абсолютно верен.

Международное политическое положение обостряется, и то, что мы недавно видели на Балканах, весьма симптоматично. События, связанные с греко-турецкой войной, показывают, что призрак новой войны в течение некоторого времени был весьма осязателен. Более осязательным он не мог бы быть. Это была в сущности маленькая репетиция новой мировой войны. И в то время, как я произношу эти слова, мы стоим перед новым обострением этой проблемы, которое с легкостью может привести к крупным осложнениям. Насколько можно обозреть положение, сейчас дело еще не дойдет до войны. Однако, то, что мы пережили в связи с балканскими событиями, является в миниатюре предвестником событий, которые могут наступить и неизбежно наступят, если социальная революция их не предупредит и не вырвет из рук буржуазного государства возможность организовать новую войну.

Положение, стало быть, попрежнему остается неустойчивым. Упадок капиталистического режима можно отметить также в области чистой политики. Вместе с тем, мы видим небывалое до сих пор укрепление политических позиций России, единственно революционного государства, которое держится уже пять лет.

Нам придется еще более подробно остановиться на новой экономической политике, когда мы перейдем к русскому вопросу. Поэтому я не стану забегать вперед и отмечу лишь то, что я сказал уже в начале моей речи. Мы пришли к убеждению, что новая политика представляет собой не

случайное явление, возникшее вследствие слабости некоторых наших коммунистических партий, но нечто значительно более серьезное. Вы правы, когда, в качестве лучших друзей Советской России, говорите: если Россия вынуждена была прибегнуть к новой экономической политике, то это произошло лишь потому, что германские, французские и английские рабочие слишком слабы для того, чтобы свергнуть свою буржуазию. Это верно, но одним этим положение еще не объясняется. Мы пришли к убеждению, что не только наша страна с преобладающим крестьянским населением, но, быть может, все или почти все страны с огромными массами пролетарского населения вынуждены будут в той или иной форме пройти через подобный же политический фазис. Новый экономический курс — не только результат нашей слабости или слабости мирового пролетариата: он основан на действительном соотношении сил пролетариата, с одной стороны, и крестьян и мелкой буржуазии — с другой.

Конечно, крестьянство в такой стране, как Россия, иное, нежели в Германии. Однако, и в Германии, равно как и в других развитых капиталистических странах с многочисленным промышленным пролетариатом, рабочему классу придется в решающий момент провести целую систему мероприятий для того, чтобы нейтрализовать важнейшую часть крестьянства. Рабочему классу придется, следовательно, прибегнуть к целому ряду мероприятий, к которым вынуждены были прибегнуть мы в России. Как я уже сказал,

нам еще придется говорить на эту тему в связи с русским вопросом.

Говоря о международном политическом положении, мы не можем не остановиться на таком первоклассном факторе, какой представляет собой Советская Республика. В момент, когда на одном полюсе происходит распад Антанты, когда колониальные и полуколониальные народы вступают во все более жестокие бои, когда на Балканах бродит призрак войны и равновесие буржуазного мира начинает колебаться,—в этот момент Советская Республика укрепляется, создавая себе новую хозяйственную форму. Вследствие этого Советская Россия стала гигантским фактором мировой политики. Звезда первой пролетарской республики восходит все выше и выше. Благодаря этому, создается положение объективно революционное.

Наступление капитала — это международное явление, принадлежащее к числу революционизирующих факторов. Рабочий класс не смог еще задержать это наступление.

Многие признаки во Франции, а также в других странах, говорят за то, что в ближайшее время в этой области наступит перемена. Рабочие готовятся к обороне, и они отобьют это наступление.

VII. Объединение 2 и $2^1/_2$ Интернационалов и задачи Коминтерна.

Я перехожу теперь к положению внутри рабочего движения. Важнейшее явление в этой области, это объединение 2 и $2^1/_2$ Интернационалов, кото-

рое в ближайшем будущем станет фактом. В Германии объединение это уже совершилось, а вчера мы получили известие о подобном же объединении и в Швеции. Брантинг принял левых социал-демократов в свою партию. То, что произошло в Швеции и Германии, произойдет также в других странах. Объединение, правда, еще не завершено организационно, но политически оно уже на-лицо. И здесь мы имеем факт величайшего исторического значения. 2-й Интернационал — это враг рабочего класса. Что $2^1/_2$ Интернационал растворяется во 2-м и что процесс этот не происходит в обратном направлении, этого нет надобности подробно доказывать. Если это все-таки необходимо, то я лишь процитирую г. Мартова: он является одним из духовных вождей $2^1/_2$ Интернационала и духовно превосходит многих своих товарищей. В последнем номере Социалистического Вестника Мартов пишет о проблеме 2-го Интернационала следующее:

«Не нужно иллюзий! Механическое объединение обоих Интернационалов при настоящих условиях означает возвращение в реформистский 2-й Интернационал тех партий, которые ушли из него в надежде создать совершенно иной Интернационал. На-лицо поражение этих партий».

Итак, Мартов совершенно ясно высказывает здесь свое мнение. Разумеется, под конец Мартов находит утешение для $2^1/_2$ Интернационала. Он говорит: «внутри 2-го Интернационала мы будем отстаивать марксизм». Но эти слова означают не что иное, как возвращение во 2-й Интерна-

ционал, не что иное, как полное поражение $2^1/_2$ Интернационала.

Итак, мы будем иметь дело с объединением реформистских Интернационалов. Это объединение ускорит теперь в небывалой степени темп расслоения рабочего класса. Мы также должны сказать: не надо иллюзий! Объединение 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов означает теперь две вещи: прежде всего, оно означает подготовку белого террора против коммунистов. Мировое политическое положение приводит к фашистским переворотам, к переворотам, в результате которых во главе правительства оказываются люди вроде Стиннеса. Объединение 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов является с другой стороны подготовкою небывалого еще раскола рабочего класса, который поведет к его ослаблению. Что касается первого вопроса, то не трудно убедиться в том, что это объединение действительно подготовляет целый период белого террора против коммунистов. Не случайно во главе контр-революционного движения в Италии стоит сейчас Муссолини, ренегат 2-го Интернационала, бывший социал-демократ; не случайно и то, что в Германии во главе правительства стоят Эберт и Носке и что Польша возглавляется Пилсудским. Не случайно, что в таких странах, как Англия и Германия, 2-й Интернационал играет решающую роль. Ведь в такой стране, как Германия, достаточно было бы перехода профсоюзов на сторону рабочих, чтобы радикально изменить положение. Итак; никаких иллюзий! Объединение это означает не

что иное, как артиллерийскую подготовку к белому террору против коммунистических партий.

Далее, объединение означает раскол рабочего класса. Мы отстаиваем сейчас единство профессионального движения и делаем это не напрасно. Реформисты ясно видят, что у них уходит почва из-под ног. Исторически это неизбежно. При условии нормального процесса развития профсоюзы неизбежно целыми организациями перейдут в руки коммунистов. Реформисты чувствуют это. У них не плохой нюх. Они чувствуют это и понимают, что это неотвратимо. Они видят, что влияние коммунистов и вообще революционных групп на рабочий класс возрастает. Они ощущают это инстинктивно и пытаются этому противодействовать. Эти люди поступают так, как будто им дано буржуазией прямое задание разбить вдребезги профессиональные союзы. Они разбивают их прежде, чем уйти из них. Я не хочу сказать этим, что такое поручение им действительно было дано буржуазией. Вы знаете ведь, что в политике дело не обстоит так просто, чтобы, наприм., Стиннес мог отправить вождям профсоюзов прямое письменное предписание. Но политически на-лицо предписание буржуазии: прежде, чем социалистические вожди уйдут, они должны разбить профсоюзы. Они хотят захлопнуть за собою двери профсоюзов так, чтобы при этом разлетелись вдребезги все стекла профессиональных организаций. Вот в чем суть дела.

Как я уже говорил, мы не знаем, когда этот процесс завершится, сколько лет или месяцев

он будет длиться, но исторически он безусловно неизбежен, и это сознают наши «боги» из 2-го Интернационала. Поэтому вы всюду наблюдаете одно и то же явление, а именно: совершенно регулярную подготовку раскола в тот момент, когда они чувствуют, что рабочие массами переходят к нам. Они хотят ослабить рабочий класс и разбить вдребезги профсоюзы, чтобы в момент, когда мы добьемся господства в профессиональном движении, нам остались лишь осколки. Делая это, они, как уже сказано выше, выполняют как раз то, что сейчас нужно буржуазии. Мы имеем здесь предательство, равного которому еще никогда не было с 1914 г. Сейчас подготовляется совершенно планомерное предательство. Они хотят расколоть и раздробить рабочий класс, чтобы в тот момент, когда он должен быть готовым подняться против буржуазии, он оказался бы лишенным организационной силы, ослабленным и расколотым. Такова политика объединения 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов.

Здесь речь идет не о маленьком эпизоде, не о какой-нибудь мелочи,—нынешний раскол представляет собой огромную проблему. Несмотря на все свои заблуждения, несмотря на предательство вождей, несмотря на все поражения, рабочий класс все же завоевал себе большую организацию в виде этих профессиональных союзов, объединяющих миллионы рабочих. В известный момент эта организация должна решить судьбу нашей борьбы, и вот, когда этот момент—в исто-

рическом масштабе—приближается, 2-й Интернационал совместно с амстердамцами намерен совершить величайшее предательство по отношению к рабочему классу. Он пытается разбить вдребезги эту последнюю организацию—это последнее прибежище рабочего класса, чтобы мы, придя на смену социал-демократам, не получили ничего и оказались лишенными всякой действительной организации. Это основной факт, с которым мы должны считаться. Таким образом, социал-демократам и амстердамцам суждено выступить в роли профессиональных раскалывателей рабочего класса, в роли людей, которые не только предают рабочий класс и наносят вред его политике, но и прямо разбивают в куски его оружие, его организацию. Эта задача заполнит собою в ближайший период всю политику объединившихся ныне 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов, и с этим совершенно новым фактом мы должны считаться.

Итак, товарищи, наша тактика единого фронта является не только стратегическим шагом в борьбе против наших врагов. Конечно, мы имеем полное право и даже обязаны разрабатывать стратегические планы против наших врагов; но единый фронт продиктован всем историческим положением, экономическим и международно-политическим положением капитализма и ситуацией, создавшейся внутри рабочего движения. Если верно то, что я сказал вам о политике 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов, если верно, что ею подготовляется для будущего тактика сознательного, пла-

номерного раскалывания профессиональных союзов и рабочего класса, то из этого неизбежно вытекает тактика единого фронта, из этого следует, что именно в силу указанных, а также многих других причин мы должны организовать противодействие этому плану 2-го Интернационала.

В этом и заключается тактика единого фронта.

На III Конгрессе мы поставили себе задачу завоевать большинство рабочего класса. Исполнена ли эта задача? Нет, она еще не выполнена. Это мы должны ясно сказать. Влияние нашей партии во многих странах колоссально возросло. Но все же на нашем IV Конгрессе, — быть может и на V, — мы не вправе еще будем сказать, что мы завоевали большинство рабочего класса. Нам предстоит еще трудная работа привлечения этого большинства. При таком создавшемся положении тактика единого фронта, как уже сказано, является важнейшим орудием завоевания большинства рабочего класса. Нам должно быть ясно, что тактика единого фронта не есть лишь эпизод в нашей борьбе, но целый период, быть может, даже целая эпоха.

В зависимости от различных обстоятельств, нам придется, быть может, вносить в эту тактику изменения, но в общем и целом мы должны будем придерживаться этой тактики именно потому, что 2-й Интернационал—это главный враг и главная опора буржуазии.

Экономически капитализм созрел для социализма. Мировое политическое положение может

быть названо революционным. 2-й Интернационал является главной опорой буржуазии. Без помощи 2-го и Амстердамского Интернационалов буржуазия не может удержаться. Поэтому наше отношение ко 2-му Интернационалу является вопросом не только внутрипартийной тактики, но вопросом и проблемой мировой революции, тактикой нашего класса в целом. Как я указал выше, вновь соединившиеся части 2-го Интернационала будут в течение ряда лет сознательно стремиться к расколу, и именно поэтому мы привлечем на свою сторону большинство рабочего класса, если, пользуясь тактикой единого фронта, поведем планомерную борьбу против этих стремлений. Тактика эта, как указано, не эпизод, но эпоха.

Мы уже воспользовались этой тактикой и извлекли из нее некоторую пользу. Тактика единого фронта за истекший год уже доставила Коммунистическому Интернационалу большие преимущества. Об этом мы не должны забывать. Это не значит, что мы уже завоевали большинство. Если бы мы достигли этого, то имели бы почти все. Но мы уже добились многого; мы уже добились того, что в роли раскалывателей выступают перед лицом рабочего класса не коммунистические партии, но наши противники. Прежде рабочие придерживались несколько иных взглядов, что имело свои основания. Было время, когда мы в интересах всего рабочего класса должны были раскалывать старые социал-демократические партии. Мы оказались бы предателями рабочего класса, если бы не осуществили

этого раскола. Был такой период, когда мы, чтобы завоевать возможность сказать рабочему классу правду, должны были расколоть старые социал-демократические партии. Оставаясь в их рядах, мы были лишены этой возможности. Нам пришлось поэтому расколоть старую социал-демократическую партию, мы должны были создать сборный пункт для подлинного освободительного движения нашего класса, и эта задача была разрешена созданием коммунистической партии. Итак, был период, когда мы должны были терпеть, чтобы нас называли раскалывателями, когда мы должны были расколоть старую социал-демократическую партию. Иначе нельзя было. Иначе мы не смогли бы создать наш сборный пункт, иначе мы не могли создать орудие освобождения рабочего класса.

Однако, теперь наступил новый исторический период. Эту задачу мы уже выполнили. У нас есть коммунистические партии, правда, с остатками социал-демократии, с детскими болезнями, болезнями роста и всевозможными другими недугами, от которых мы теперь должны будем их вылечить. Но в настоящий момент на очереди стоит, прежде всего, привлечение в наши ряды большинства рабочих, спасение и завоевание профессиональных союзов, — этого важнейшего орудия в руках мирового пролетариата. Вот чем вызвана тактика единого фронта. Я надеюсь, товарищи, что на этом Конгрессе нам не придется слишком много спорить об этом вопросе Во Франции последние могикане борьбы

против единого фронта сложили оружие, и притом, что самое важное, — не только французские коммунисты, но даже большая часть синдикалистов приняли эту тактику. Вчера мы имели мимолетный разговор с нашими друзьями из Унитарной Генеральной Конфедерации Труда. На наш вопрос: «продолжаете ли вы возражать против единого фронта?» — они дали весьма краткий ответ: «Мы проводим тактику единого фронта». И всякий, кто следит за положением дел во Франции, отлично знает, что теперь там все, включая членов Ц. К. Унитарной Конфедерации, сознательно и планомерно применяют единый фронт, ибо иного пути нет. Потребности повседневной борьбы пролетариата побудили всех тех, кто желает отстаивать интересы рабочего класса, применять тактику единого фронта, как в экономической, так и в политической области. Привлечение на нашу сторону противников единого фронта во Франции представляет собой большой успех, и этот успех доказывает, что мы сомкнули наши ряды и будем планомерно и сознательно применять нашу тактику.

Чем должен быть единый фронт и чем он не должен быть? Во всяком случае, он не должен быть тем, что французы называют избирательной комбинацией. Мы провели анкету об осуществлении тактики единого фронта, и эта анкета нам до известной степени удалась. Мы получили 300—400 ответов, и притом не только из центральных органов наших партий, но также и от товарищей, которые вращаются непосред-

ственно среди рабочих масс, которые живут и работают вместе с ними. Эта анкета теперь подвергнется обработке, и мы, вероятно, должны будем издать ее в виде книги, ибо она стоит того. Анкета показала, что наши товарищи далеко не всегда ясно представляют себе, что собственно означает тактика единого фронта. Как уже было сказано, она не может означать избирательную комбинацию и не должна также приводить к организационному слиянию с социал-демократией. Ответы товарищей из Итальянской и Французской партіі доказали, что, как это ни странно, многие товарищи истолковывают тактику единого фронта, как готовность с нашей стороны слиться с социал-демократами. Это было бы величайшим преступлением. Любой из нас согласится скорее лишиться руки, чем объединиться с величайшими предателями рабочего класса, которые теперь являются нашими открытыми врагами и последней опорой буржуазии. Нет, не в этом заключается единый фронт! *Единый фронт — это совместное движение рабочих масс в их повседневной классовой борьбе.* Единый фронт должен означать, что мы готовы совместно со *всеми* рабочими, — анархистами и синдикалистами, социал-демократами и христианскими социалистами, — вести борьбу против капитализма и капиталистов, повседневную борьбу за кусок хлеба, против сокращения заработной платы и упразднения 8-ми часового рабочего дня. Ради этого мы иногда миримся с необхо-

димостью сидеть за одним столом с предательскими вождями. В этом, а ни в чем-нибудь ином, заключается тактика единого фронта. Мне кажется, что этот вопрос уже разрешен для Коминтерна, и даже для той партии, в которой больше всего недоразумений, именно для Французской.

Да, мы будем бороться также и за любое частичное требование рабочего класса. Сегодня мне показывали статью нашего бывшего товарища Гортера. Я эту статью не прочел целиком, и приведу из нее лишь одну цитату. Гортер пишет: «Мы должны бороться против всякой забастовки. Вы спросите: почему против всякой забастовки? Потому, что мы должны беречь наши силы для пропаганды, для революции». Далее Гортер пишет: «Нас осталось очень мало, наши силы, силы Германской Коммунистической Рабочей Партии, настолько незначительны, что мы должны концентрировать их не для забастовок, но исключительно для революции».

Это такая нелепость, что перед наивностью подобного политического деятеля опускаются руки. У него нет времени поддерживать рабочих в повседневной борьбе против буржуазии потому, что он должен поддерживать революцию в целом! Всякий, кто понимает нужды рабочего класса, кто не только субъективно предан ему, но и разбирается в его реальной жизни, кто работал в непосредственном общении с ним, отбросит подобное ребячество! Именно потому, что мы желаем бороться за пролетарскую революцию, —

именно поэтому мы должны принимать участие в каждой забастовке, и, идя впереди рабочего класса, бороться за каждое частичное требование. Мы революционеры, но из этого не следует, что мы не должны понимать, насколько необходимо улучшение быта рабочего класса, хотя бы оно выражалось в капле молока для его детей. Мы противники реформизма, но не противники улучшения материального положения пролетариата. Мы отлично знаем, что при существующих капиталистических отношениях возможности в этом отношении очень ограничены; мы знаем, что только революция сможет внести существенное улучшение в быт рабочего класса, но мы знаем также, что нам удастся организовать рабочий класс только в том случае, если мы будем бороться за его частичные требования. В этом смысле мы отстаиваем единый фронт, в котором мы устраиваем не кратковременный эпизод, а длительный и неизбежный при существующих общественных отношениях период.

VIII. Рабочее правительство.

Лозунг рабочего правительства еще недостаточно выяснен. Тактика единого фронта применима почти во всех странах мира. Трудно было бы найти страну, обладающую многочисленным пролетариатом, в которой тактика единого фронта была бы неуместна. Эта тактика одинаково применима в Америке, Болгарии, Италии и Германии. При создавшихся в настоящее время

повсюду условиях она имеет почти универсальное значение. Но этого же далеко нельзя сказать о лозунге рабочего правительства. Этот лозунг ни в коем случае не может носить такой универсальный характер. Он имеет лишь ограниченное значение. Он может быть выдвинут только в таких странах, в которых проблема власти, проблема правительств стоит на первом плане, как в парламенте, так и вне его. Несомненно, что в Америке в настоящий момент можно с помощью лозунга рабочего правительства вести успешную пропаганду, говоря американским рабочим: если вы желаете освобождения, то вы должны захватить власть в свои руки. Но из этого не следует, что при существующем в Америке соотношении сил лозунг рабочего правительства способен вызвать своего рода дуэль, как это было в Чехо-Словакии, как это может стать в Германии, как это было и может повториться в Италии.

Лозунг рабочего правительства не является таким же универсальным лозунгом, как тактика единого фронта. Лозунг рабочего правительства представляет собой известное конкретное применение тактики единого фронта при данных условиях. На этой почве можно легко впасть в ошибки. Мне кажется, товарищи, что мы должны бороться против попыток выдавать этот лозунг за безусловную необходимость, как будто мы обязательно должны пройти в каждой стране через рабочее правительство. Наоборот, я считаю, что, поскольку в этой области возможны предсказания, рабочее правительство может стать

реальным фактом только в исключительных случаях, только при совершенно особых конкретных условиях той или иной страны. Итак, рабочее правительство будет лишь исключением, кроме того, отнюдь не следует думать, что нам предстоит пережить период наполовину мирного развития, благодаря рабочему правительству, которое освободит нас от тяжести борьбы. Рабочее правительство будет базироваться исключительно на парламентских позициях, которые ничего не стоят. Оно будет представлять лишь мелкий эпизод борьбы и не может предотвратить гражданскую войну. Это не должно означать, что при существующих условиях лозунг рабочего правительства неприменим. Но рабочий класс должен ясно понять, что рабочее правительство является лишь переходной ступенью. Нужно ясно заявить, что рабочее правительство ни в коем случае не отвратит гражданской войны. На этом нужно настаивать, ибо только когда мы поймем опасность этого лозунга, только тогда мы сможем спокойно пользоваться им, как орудием.

Конечно, и в тактике единого фронта скрываются известные опасности, на которые Исполком указал в своих декабрьских тезисах. Но наибольшую опасность она представляет тогда, когда она принимает форму рабочего правительства. Ибо в странах с парламентскими традициями, как, напр., во Франции, этот вопрос толкуется так, как будто для нас, марксистов, речь идет не о диктатуре пролетариата, а о чем-то дру-

гом. Но мы понимаем этот лозунг исключительно, как применение диктатуры пролетариата. Даже в случае образования рабочего правительства нам не избежать гражданской войны. В некоторых случаях оно придаст ей еще более острый характер.

IX. Фабрично-заводские комитеты.

Считаю необходимым сказать также несколько слов о фабрично-заводских комитетах. В моих тезисах этому вопросу посвящен специальный абзац. Я выдвигаю следующий тезис: Та партия, которая на заводах не создала коммунистических организаций, коммунистических ячеек, не может иметь серьезного значения, — она не является серьезной коммунистической массовой партией. Далее я утверждаю: рабочая партия, которая еще не сумела организовать массовое движение фабрично-заводских комитетов, такая партия не является серьезной революционной массовой партией. Эти тезисы применимы почти ко всем крупным проявлениям рабочего движения нашего времени. Для нашего времени характерно, что в Германии, довольно быстро приближающейся к серьезным и решительным боям, фабзавкомы идут во главе движения. Обращаясь к другим странам, мы должны посоветовать нашим товарищам прежде всего приступить к организации коммунистических ячеек в предприятиях, во-вторых, поддержать движение фабрично-заводских комитетов. Многие из наших

партий оставили этот совет невыполненным. На III Всемирном Конгрессе мы приняли великолепную резолюцию, составленную тов. Куусиненом и указывающую, как должна работать каждая коммунистическая партия, в чем заключается весь механизм этой работы, как должна происходить организация ячейки и т. д. Но следует сказать, что совершенно бесполезно принимать такие хорошие резолюции, если на практике мы их не придерживаемся. Необходимо фактическое выполнение этой резолюции, необходимо образование ячеек. Только при этом условии движение может прогрессировать.

X. Международная дисциплина. Перспектива мировой революции.

Далее скажу еще несколько слов о международной дисциплине. В тезисах о тактике единого фронта, предложенных группой Рену на Парижском Конгрессе Французской партии, имеется целый абзац, посвященный международной дисциплине. Золотые слова! Эта группа блестяще доказала, что без дисциплины мы беспомощны, что Интернационал погибнет, если он не будет придерживаться этой дисциплины. Золотые слова! Но эта группа, которая в тезисах писала о международной дисциплине, доказала, что и у нас слово иногда очень резко расходится с делом. Эта группа могла бы заняться более полезным делом: международная дисциплина проявляется прежде всего в поступках. Наша тактика в вопросе

о едином фронте в настоящее время является весьма сложной тактикой. Существует Интернационал, который тесно спаян с буржуазией, который придерживается определенно враждебной нам тактики. Чтоб одолеть его, мы должны быть крепко организованы, мы должны иметь истинный Интернационал с строгой дисциплиной. Это должен подтвердить и провести в жизнь IV Конгресс.

В ближайшем будущем нам предстоят решительные бои. Мне пришлось слышать различные возражения против этого положения со стороны некоторых уважаемых товарищей. Они утверждают, что в ходе мировой революции наступила заминка; что можно будет двинуться вперед лишь тогда, когда материальное положение российских рабочих в среднем будет лучше, чем положение европейских и американских рабочих; ибо тогда пример экономического положения российских рабочих будет иметь революционизирующее влияние и вызовет новый подъем революционной волны. Товарищи, я считаю, что такая точка зрения объективно оппортунистична. В ней сказывается утонченный оппортунизм, хотя она и отстаивается некоторыми нашими друзьями, которые субъективно являются искренними революционерами и преданными солдатами Интернационала. Я об этом долго говорить не буду. Ограничусь двумя словами. Условия жизни русских рабочих улучшаются, это не подлежит сомнению: уровень жизни европейских рабочих ухудшается, положение же российских

рабочих явно улучшается. Подъем, правда, очень медленный, но несомненный. Придет время, когда положение русских рабочих даже в экономическом отношении будет лучше, чем положение европейских рабочих; но было бы истинным оппортунизмом утверждать, что пока Россия находится в таком тяжелом состоянии, невозможно организовать революционную борьбу рабочих в капиталистических странах. Повторяю, это было бы оппортунизмом.

Настоящая революция производится рабочим классом в отдельных странах не для того, чтобы дать пример другим странам, не потому, что рабочие в той или иной стране желают, чтобы у других рабочих было больше хлеба и мяса.

— Нет! Революция происходит потому, что рабочий класс в данной стране не находит иного пути для свержения буржуазии. Поэтому мы не должны допускать, чтобы в нашей агитации звучали подобные ноты, которые могут только внести заминку в движение. Русскому рабочему классу приходилось преодолевать такие препятствия, против которых рабочим других стран никогда не придется бороться. Рабочему классу каждой страны будет обеспечена поддержка русского рабочего класса, который первый произвел революцию и должен был бороться со всем буржуазным миром. С этими затруднениями едва ли столкнутся рабочие других стран. И наш долг представлять международному рабочему классу положение российского пролетариата таким, каким оно было в действительности — с его блокадой,

его голодом, его эпидемиями, но в то же время со всем его величием. Мы должны понять, что российский рабочий класс после всех своих испытаний теперь уже преодолел самое тяжелое и что теперь с часу на час, со дня на день и с месяца на месяц его положение будет улучшаться. Таково должно быть наше понимание российской революции, которое мы кладем в основу всей нашей тактики. (Аплодисменты.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА.

I. Еще о рабочем правительстве.

Товарищи, позвольте мне, прежде всего, несколько подробнее поговорить о рабочем правительстве. Для меня не совсем ясно, имеются ли действительно в нашей среде серьезные расхождения во взглядах по этому вопросу, или же сам вопрос, быть может, не достаточно разъяснен, и мы имеем здесь отчасти просто терминологический спор. Это должно выясниться в ходе работ Конгресса, и прежде всего при выработке резолюции по вопросам тактики, которыми мы займемся после вопроса о русской революции. Для меня речь идет отнюдь не о слове «псевдоним», которое здесь цитировалось. Я охотно уступлю в этом споре о слове, так как речь идет здесь не о словах, но о понимании. Я думаю, товарищи, что вопрос лучше всего уяснится, если я прежде всего скажу следующее: для нас ясно,

что всякое буржуазное правительство является вместе с тем правительством капиталистическим. Едва ли можно себе представить буржуазное правительство, которое не было бы вместе с тем капиталистическим правительством. Однако, нельзя, к сожалению, сказать обратного. Не всякое рабочее правительство является, тем самым, пролетарским правительством; не всякое рабочее правительство есть социалистическое правительство. Эта противоположность имеет очень глубокий смысл. Перед нами здесь одно из проявлений того факта, что буржуазия имеет внутри нашего класса свои форпосты. Между тем, при всем нашем желании наши форпосты никогда не смогут проникнуть в лагерь буржуазии и утвердиться там.

Итак, буржуазное правительство есть правительство капиталистическое, и даже некоторые рабочие правительства, по своему социальному содержанию, могут оказаться буржуазными правительствами. По-моему, в этом существо вопроса: есть рабочие правительства и рабочие правительства. Мне кажется, что можно представить себе четыре вида рабочих правительств, причем этот перечень далеко еще не исчерпает всех возможностей. Возможно такое рабочее правительство, которое по своему содержанию окажется либеральным рабочим правительством. Примером может служить Австралия, в которой уже существовало рабочее правительство. Некоторые из наших австралийских товарищей говорят, что лозунг рабочего правительства не верен, так как

в Австралии такие рабочие правительства уже были и оказались буржуазными. Действительно, там были рабочие правительства, по содержанию своему чисто либеральные. Это были, если можно так выразиться, буржуазные рабочие правительства.

В Англии сейчас происходят выборы. Теоретически вполне мыслимо, хотя сейчас это и мало вероятно, что выборы эти приведут к рабочему правительству, которое будет похоже на австралийское рабочее правительство и по своему содержанию будет либеральным рабочим правительством. Такое либеральное рабочее правительство при существующем в Англии положении также может стать исходной точкой революционизирования стран. Это возможно, но само по себе оно будет не более, чем либеральное рабочее правительство. Мы, коммунисты, голосуем сейчас в Англии за Рабочую Партию. Это то же, что если бы мы голосовали за либеральное рабочее правительство. Английские коммунисты при существующем положении вынуждены голосовать за либеральное рабочее правительство. Это абсолютно правильная тактика. Почему? Потому, что объективно это будет шаг вперед, потому что либеральное правительство поколеблет равновесие в Англии, потому что либеральное правительство в Англии лучше, чем что бы то ни было, подготовит банкротство капитализма. Мы уже видели в России при Керенском, как положение капитализма было поколеблено, несмотря на то, что либералы выступали в роли его агентов. Плеханов за время от февраля до октября 1917 г.

называл меньшевиков полубольшевиками. Мы говорили, что это преувеличение, что они большевики вовсе не наполовину, но всего лишь, может быть, на одну четверть. Мы так говорили потому, что вели с ними жестокую борьбу и видели их предательство по отношению к пролетариату, но объективно Плеханов был прав. Объективно меньшевистское правительство как нельзя более годилось для того, чтобы испортить капитализму его игру, чтобы сделать положение его невозможным. Наши партии, ведущие сейчас борьбу с меньшевиками, не захотели и не сумели учесть это обстоятельство.

Во время самой борьбы мы видим обыкновенно лишь то, что меньшевики предатели рабочего класса. Действительно, они не противники буржуазии, но, получив в свои руки на время ее оружие, они могут сделать ряд шагов, которые объективно вредны буржуазному государству. Мы поддерживаем, стало-быть, в Англии либеральное рабочее правительство, а также Рабочую Партию. Английская буржуазия права, когда она говорит, что рабочее правительство начинается с Клайнса и может закончиться левым крылом.

Таков первый возможный тип рабочего правительства.

Вторым типом является социалистическое правительство. Можно себе представить, что в Германии объединенная социал-демократическая партия образует чисто социалистическое правительство. Оно будет, вместе с тем, рабочим правительством, социалистическим (конечно, в ковычках). Мыс-

лимо положение, когда мы окажем этому правительству условный кредит, условную поддержку. Можно себе представить, что при известных условиях социалистическое правительство явится этапом на пути к революции. Такова вторая возможность.

Третий тип мы имеем в лице так называемого коалиционного правительства, т.-е. такого правительства, в котором заседают социал-демократы, вожди профсоюзов и, быть может, также коммунисты. Такая возможность мыслима. Такое правительство еще не есть диктатура пролетариата, но оно может быть исходной точкой на пути к диктатуре. Если дело пойдет хорошо, то мы будем выводить одного социал-демократа за другим из этого правительства, пока власть не окажется в руках коммунистов. Таким образом мы имеем здесь еще одну историческую возможность.

В-четвертых, я имею в виду подлинное рабочее, т.-е. коммунистическое правительство, так как нет другого подлинно рабочего правительства. Об этой четвертой возможности я и думаю, что она является псевдонимом диктатуры пролетариата, и в то же время подлинно рабочим правительством, в полном смысле этого слова. Этим, однако, вопрос далеко еще не исчерпан; могут появиться пятый и шестой типы, и все они могут оказаться отправными пунктами для дальнейшего революционизирования положения.

Боюсь, что в погоне за строго-научным определением, мы упустим из виду политическую

сторону дела. Нам важны не тонкости научных определений, нам важно, чтобы не была упущена революционная сторона дела. Некоторые товарищи как-будто представляют себе дело так, что, если мы идем вместе с социал-демократами, то мы имеем уже рабочее правительство. Забывают об одном, а именно о том, что сначала надо свергнуть буржуазию. Буржуазия добровольно не уступит своего места, она будет бороться за свою власть; важно предусмотреть все возможности развития мировой революции и гражданской войны.

Не следует забывать, что помимо рабочих партий существует еще буржуазия, в течение столетий стоявшая у власти и делающая все, чтобы удержать эту власть.

Итак, для того, чтобы образовать рабочее правительство, имеющее революционный характер, нужно прежде всего свергнуть буржуазию. Это самое важное. Не забудем, что здесь надо различать две вещи: во-первых, наши методы агитации: вопрос о том, как лучше всего говорить с простым рабочим, каким образом лучше всего объяснить ему его положение. В этом отношении, думается мне, лозунг рабочего правительства очень удобен.

Но существует еще второй вопрос, это вопрос о том, каково будет историческое развитие событий, в какой форме конкретно произойдет революция. Постараемся хоть слегка приподнять здесь завесу истории.

Каков будет ход развития революции? Мы склонны думать, что она пройдет через стадии

коалиционного правительства, рабочего правительства и затем гражданской войны. Будут сделаны попытки предсказать дальнейший ход революции, тогда как здесь можно предсказать лишь то, что все наши пророчества, по всей вероятности, окажутся ложными. Весьма вероятно, что революция произойдет иначе, чем мы себе представляли, что она придет через совсем другие двери. Мы видели это уже в нашей русской революции. Пять лет тому назад многие представляли себе все что угодно. Утверждали, что мы будем сломлены блокадой, голодом и так далее. Считались с какими угодно возможностями, только не с возможностью новой экономической политики и победы революции.

Положение во всех странах различное. По всей вероятности, революция в Германии произойдет совсем иначе, чем в Англии. Это не значит, однако, что мы не вправе в качестве сознательных революционеров приоткрывать завесу. Мы мыслящие люди, мы хотим итти впереди рабочего класса. Мы должны пытаться всесторонне объяснить положение вещей. Но делать здесь какие-либо предсказывания действительно трудно. Если мы рассматриваем лозунг рабочего правительства с этой точки зрения, как конкретный путь к пролетарской революции, то можно сильно сомневаться в том, что великолепная фигура мировой революции придет непременно через дверь рабочего правительства. Вчера наш друг Радек сказал, что рабочее правительство представляет собой лишь одну из возможностей перехода

к диктатуре пролетариата. Мне хотелось бы сказать: да, это возможность или, еще вернее, это только одна из маловероятных возможностей. Я не хочу, конечно, сказать этим, что лозунг рабочего правительства не верен. Нет, это верный лозунг. Там, где соотношение сил благоприятно, лозунг этот принесет нам большие успехи в агитации. Однако, если мы станем исследовать вопрос о путях, о том, придет ли революция действительно по этому пути, то я говорю: этот вопрос не подлежит здесь разрешению. Рабочее правительство это путь, по всей вероятности, менее всего возможный. В странах с развитой буржуазией мы завоюем власть не иначе, как в гражданской войне, а если мы устраним буржуазию, путем гражданской войны, то едва ли нам придется в течение сколько-нибудь значительного периода времени иметь дело с такой промежуточной ступенью. Это возможно, но не стоит об этом спорить; здесь можно только предполагать. Единственно, что нам нужно, это— ясно различать все возможности на пути революции. Может появиться рабочее правительство, которое будет не чем иным, как либеральным рабочим правительством, что возможно в Англии, Австралии и т. д. Это рабочее правительство так же может оказаться объективно полезным для рабочего класса. Агитация за рабочее правительство правильна. В агитации мы можем многого добиться этим лозунгом. Но при этом мы не должны забывать революционной перспективы. Передо мной великолепная страница,

написанная чехо-словацким министром Бенешем. Я прочту вам ее.

> В номере от 18-го сентября, орган министра Бенеша «Час», пишет: «Коммунистическая партия строит единый фронт пролетариата под лозунгом борьбы с безработицей. Коммунистам нельзя отказать в изобретательности. Они умеют преподносить рабочим одни и те же вещи в разных формах. Например, в свое время коммунисты вели агитацию за образование советов; когда эта агитация не дала ожидаемых результатов, они ее приостановили, чтобы через полгода возобновить ее под видом агитации за образование комитетов единого фронта. Конечно, пролетарский единый фронт мог бы стать огромной силой, если бы в его основе лежали прогрессивные идеи, чего нельзя сказать об идеях Москвы».

Я думаю, что этот буржуа прав. Однако мы, коммунисты, имеющие дело с рабочим классом, который в течение десятков и сотен лет был порабощен буржуазией, должны всеми силами стремиться к просвещению своего класса. Я говорю, что может существовать рабочее правительство, являющееся на деле буржуазным, но возможно и такое рабочее правительство, деятельность которого будет подлинно революционной. Мы должны по разному подходить к просвещению различных слоев пролетариата, но содержание нашей просветительной работы должно всегда оставаться одинаково.

Еще одно, товарищи. Советское Правительство далеко не всегда означает диктатуру пролетариата. Советское правительство существовало в России

в течение 8 месяцев наряду с правительством Керенского, и оно не представляло собой диктатуры пролетариата. Несмотря на это, мы все же поддерживали лозунг Советского Правительства, мы отказались от него только на краткий миг во время нового подъема революционной волны. Поэтому я думаю, товарищи, что мы можем спокойно выдвигать лозунг рабочего правительства, но лишь при условии ясного понимания, о чем идет речь. Горе нам, если бы мы хоть на одну минуту в нашей агитации стали поддерживать мнение, что осуществление рабочего правительства неизбежно, что оно возможно мирным путем, что оно будет означать наступление периода полуорганического развития, который может заменить собой гражданскую войну, и т. д. Если среди нас имеются подобные воззрения, а они может быть кое-где и имеются, мы должны решительно бороться с ними и воспитывать рабочий класс в сознании, что для образования рабочего правительства необходимо в первую очередь свергнуть и победить буржуазию.

Вот в чем заключается сущность этого лозунга. Хочешь иметь рабочее правительство? Великолепно! Ради этого мы готовы вступить в соглашение даже с социал-демократами. Хотя мы и говорим, что они нас предадут, но мы все же сторонники рабочего правительства, хотя бы с их участием, но лишь при условии, что это правительство проявит готовность рука об руку с нами бороться против буржуазии. Мы вступим в борьбу с ней, и если из этой борьбы родится рабочее

правительство, то оно будет стоять на твердой основе и действительно явится началом диктатуры пролетариата. Я не настаиваю на слове «псевдоним», я охотно подарю это слово т. Мейеру. Мне важно, чтобы мы вели определенную линию в этом вопросе. Рабочее правительство отнюдь не является военной хитростью, предпринятой с целью перехитрить бога и буржуазию и предотвратить гражданскую войну. Интернационал должен быть хорошим стратегом, но в природе не существует стратегии, при помощи которой можно было избегнуть гражданской войны и как по гладкому паркету притти к рабочему правительству. Решающим моментом является борьба за свержение буржуазии, а когда мы ее осилим, тогда мы сможем подойти к различным формам рабочего правительства.

Рабочее правительство в Англии в данной обстановке может объективно действовать, как революционный фактор, и мы будем поддерживать там даже ограниченное меньшевистски-либеральное рабочее правительство. Мы этим отнюдь не хотим избегнуть классовой борьбы—это лишь другая форма гражданской войны, которая в данном случае может стать гораздо более жестокой, чем при наличии рабочего правительства иного типа. Существование такого рабочего правительства отнюдь не означает, что мы можем избегнуть самых крайних форм гражданской войны. Мы знаем, что при известных условиях такое меньшевистки-либеральное рабочее правительство может обратиться против нас с гораздо большей

кровожадностью, чем даже буржуазное правительство. Это великолепно доказал Носке, а также наши меньшевики. Следовательно, такое правительство отнюдь не означает возможности избежать гражданской войны. Поэтому, я думаю, что лозунг рабочего правительства безусловно правилен в качестве агитационного лозунга, если мы только сумеем революционно использовать его. Возьмем, например, во Франции лозунг правительства Блюм-Фроссар. Ответственным за этот лозунг является Исполком. Мы предложили его товарищам во время дискуссии. Этот лозунг попал во Францию слишком рано. Почему? Потому что там, благодаря традициям партии, этот лозунг был понят, как чисто парламентская комбинация. Одни говорили: да, Блюм-Фроссар, это было бы хорошо. Другие говорили: что это не так легко. Теоретически Исполком был вполне прав, говоря, что мы не можем отказаться от лозунга рабочего правительства. Он представляет собой известную возможность, известную революционную перспективу. Но при данных конкретных условиях он был провозглашен слишком рано. Если бы мы начали проведение тактики единого фронта во Франции с вопроса о 8-ми часовом рабочем дне, может быть, это было бы лучше. В данном же случае сразу появились догадки, возникли предположения, что уже были начаты переговоры об объединении партий и т. п. Нужно подходить к этому практически и видеть то, что есть. Некоторые наши друзья из левого крыла быть может также впали в некоторое преувели-

чение. Если я не ошибаюсь, наш друг т. Суварин сказал: «В России также был период, когда у власти стояло правительство Мартова-Ленина». Это неверно—в России не было такого времени. Кроме того, нужно понять, что у нас свержение царизма было половиной пути к свержению буржуазии. Февральская революция, правда, вначале была революцией буржуазной, но все же сущность ее была не вполне буржуазной; уже с самого начала она была великой народной революцией, и, кроме того, она носила во чреве октябрьскую революцию. С первых ее дней возникли солдатские советы, и притом настоящие, сразу взявшие Керенского за горло, не такие, которые можно было по способу Носке через пару месяцев разогнать.

В таком положении, когда меньшевики действительно были своего рода вторым правительством, было вполне правильно агитировать за рабочее правительство. Вы знаете, что это объективно ни к чему не привело. Дело дошло до гражданской войны, мы добились рабочего правительства только с оружием в руках. Вначале у нас был союз не с Мартовым, а с левыми эсерами, представлявшими революционное крестьянство. В такой формулировке лозунг был правильный. Но выступить с тем же оружием во Франции и сказать: это то же самое, что и правительство Мартова-Ленина, это значило иметь неправильную перспективу.

Даже наши лучшие товарищи допустили здесь кое-какие ошибки. Я думаю, что наша дискус-

сия на Конгрессе в особенности после работ комиссии не приведет нас к отказу от лозунга рабочего правительства. Лозунг остается правильным, если рассматривать его, как средство подойти ближе к массам. Об этом спорить не приходится. Мы должны лишь правильно применять его. Он содержит в себе те же опасности, что и тактика единого фронта. Когда начинаются разговоры о правительствах, то естественно появляются мысли о парламентских комбинациях, о распределении портфелей и т. д. Здесь имеется еще большая трудность, чем при тактике единого фронта. Но из этого не следует, что мы должны отказаться от этого лозунга, вследствие трудности его осуществления, как предлагали наши французские товарищи. Они говорили: наша партия ничего не стоит, мы ничего не можем сделать, мы слишком слабы. Если вы слабы, то именно поэтому вы должны стремиться стать сильнее. Если вы не умеете плавать, бросьтесь в воду, и тогда вы научитесь. Мы должны подчеркнуть предстоящие нам опасности, чтобы суметь встретить их лицом к лицу. В то серое время, которое мы частью пережили и еще переживаем, неизбежно возникает опасность распространения оппортунистических бацилл. Тов. Радек был вполне прав в этом отношении, говоря, что опасность угрожает нам справа. Мы могли убедиться в этом также и в течение тех шести заседаний, которые мы имели до сих пор.

Мы должны быть в этом вопросе прямолинейны. Мы должны сказать: товарищи, рабочее прави-

тельство вещь прекрасная, но для того, чтобы образовать его, нужно прежде всего свергнуть буржуазию, а для этого нужно иметь оружие, нужно сорганизоваться, нужно завоевать большинство рабочего класса. И прежде всего нужно ясно понять, что дело дойдет до серьезных боев, что иначе победа невозможна. Я думаю, товарищи, что на этом я могу закончить эту часть моего заключительного слова.

II. Отдельные секции Коминтерна.— Германия.— Франция. — Италия. — Чехо-Словакия. — Польша. — Норвегия. — Др. страны.

Теперь я перехожу к важнейшим партиям. Я буду говорить о них в том же порядке, как и в моей первой речи.

Итак, прежде всего Германия. Товарищ Рут Фишер, которая дала нам возможность убедиться в том, что она не так страшно выглядит, как многие себе ее представляли (смех и аплодисменты), сделала нам упрек, что III Конгресс оказал не слишком благотворное влияние на Германскую партию. Она должна была бы сделать этот упрек III, а не IV Конгрессу, но так и быть, мы наследники III Конгресса и можем отвечать за него. Я думаю, что упрек неправилен. Мы не будем преувеличивать и не скажем, что мы спасли Германскую партию: не мы спасли ее, а германский пролетариат сам поставил на ноги свою партию. Вот правильная формулировка. Но поскольку дело касается III Конгресса, я думаю,

что его действия были правильны. (Совершенно верно!) Говорят, что с группой Леви мы поступили неправильно, свалив все в одну кучу. Простите, но это не верно.

Не забывайте, что в то время, когда происходил III Конгресс, лучшие революционные бойцы проявляли колебания в этом пункте. Даже в нашей русской делегации не было единомыслия, и притом среди наиболее выдающихся ее членов. Рассуждали так: ведь Леви все-таки умная голова. Он, пожалуй, лучше справится с делом, чем иные из нас. Дальнейшие события показали, что это не так. Задача и долг III Конгресса заключались в том, чтобы отправить г. Леви к г. Носке одного или, по крайней мере, в возможно менее многочисленной компании. Гейеры и им подобные не так уже важны для нас. Мы можем спокойно отдать их Леви. Пусть он возьмет с собой еще пару Гейеров. Опасность заключалась в том, чобы он не увлек за собой часть нашей партии. И III Конгресс как ни как все же несколько помог нашим партиям занять правильную позицию и спасти для революции их лучшие элементы. Так что в этом отношении тов. Рут Фишер не совсем права.

Что касается кампании по поводу убийства Ратенау, то тов. Радек уже подчеркнул, что мы согласны с выслушанной нами здесь критикой. После убийства Ратенау, в самый разгар событий, мы обратились к Германской партии с письмом, в котором мы высказали нашему Центральному Комитету в Германии свое мнение о событиях.

Вы позволите мне привести несколько цитат из этого письма. Оно датировано 18 июня, т. е. написано, значит, в самый разгар кампании:

«Теперь о позиции партии. Мы по мере возможности следили за всем, что происходит в Германии; мы с величайшим вниманием читали ваши письма и благодарим вас за их детальность. Все мы находим несколько слабой вашу тактику в первые дни, в том виде, как она находила свое выражение в «Роте Фане». В создавшейся тогда обстановке нечего было кричать: «Республика, республика». Следовало лучше с первого же момента наглядно показать массам, что современная Германия, это республика без республиканцев. Следовало в этот момент всеобщего подъема показать широким рабочим массам, заботящимся не столько о республике, сколько о своих экономических интересах, что буржуазная республика не только не дает гарантии для соблюдения классовых интересов пролетариата, но наоборот, в данном положении оказывается лучшей формой угнетения рабочих масс. Не надо было трубить о республике в унисон с социал-демократами и с независимцами; никогда, никогда, никогда единый фронт не должен исключать самостоятельности нашей агитации. Это является непременным условием тактики единого фронта.

Мы готовы вести переговоры с вождями Германской Социал-демократической Партии и Независимой Социал-демократической Партии, но не как бедные родственники, а как самостоятельная сила, как сохраняющая свою собственную физиономию партия, которая от начала до конца проводит перед массами свою собственную точку зрения».

Я полагаю, что этой цитаты достаточно для доказательства того, что мы в нужный момент

предостерегли нашу Германскую партию против слабых сторон кампании по поводу убийства Ратенау. Мы пошли дальше, поставив вопрос о возможности более энергичного выступления Германской партии. Конечно, мы не могли быть настолько легкомысленными, чтобы сказать: вы должны немедленно начать действия, объявить забастовку и т. д. Это должна решать сама партия. Мы лишь поставили вопрос, возможно ли самостоятельное немедленное, энергичное выступление нашей партии. И мое убеждение, поскольку мне известна существовавшая обстановка, таково, что это выступление было невозможно, что оно могло привести к кровавой бане. Центральный Комитет не сделал этой ошибки, он использовал положение, хотя им и были допущены некоторые ошибки.

В приведенной цитате сказано, что никогда, никогда, никогда нельзя отказываться от самостоятельности агитации. И иначе сказать мы не могли, это было бы попросту самоубийством для коммунистической партии. (Возглас с места: Совершенно верно!) Мы считали желательным, например, вступление английских коммунистов в Рабочую Партию, но мы поставили условием сохранение самостоятельности агитации. Рабочая Партия не согласилась на это условие, но мы сказали: на этом мы твердо стоим, от этого отступиться мы не можем. Ведь создание коммунистической партии предполагает самостоятельность агитации. Боевые задачи приходят после, но первой задачей остается сохранение самостоятель-

ности. Ни на одну минуту мы не должны забывать, что эта жалкая, куцая буржуазная республика не что иное, как петля на шее рабочего класса. Как могла «Роте Фане» выступить так энергично со своей «республикой»? Именно тогда мы должны были сказать рабочим: эта подлая республика задушит вас, ваши пролетарские интересы в опасности. В известных случаях мы готовы итти с социал-демократами против националистов, но мы никогда не должны забывать, что такое республика. Именно в данный момент это был ваш основной долг. Нам издали казалось, что наша партия слишком заискивала перед верхушками чужих организаций. В Германии мы не бедные родственники, а самостоятельная партия, за которой останется победа. В момент, когда социал-демократы хотели заманить нас во что бы то ни стало, в такой момент нам меньше всего пристало быть бедными родственниками. Всякому ясно, что тактика шейдемановцев в начале кампании по поводу убийства Ратенау заключалась в том, чтобы изолировать нас. Мы должны были это понять, не отказываясь из-за этого от переговоров с ними. Но в то же время мы должны были писать во всех газетах, звонить во все колокола, разоблачая партию Носке; мы должны были сказать, что мы собой представляем. И я думаю, что этот пример будет иметь величайшее значение для всех партий.

Еще два слова по поводу берлинской организации. Я забыл упомянуть в своем докладе, что

за отчетный период у нас был небольшой конфликт с берлинской организацией, нашедший отчасти выражение и в печати. Я думаю, товарищи, что выражу общее мнение Исполнительного Комитета, если скажу, что этот конфликт был во всех отношениях прискорбен, ибо мы всячески стараемся избежать и тени ненужных разногласий. Исполкому известны слабые стороны некоторых из наших местных организаций. Берлинская организация так же как и всякая другая из крупных столичных организаций — и парижская, и даже петербургская и московская — имеет свои слабые стороны. Нельзя сказать, что столкновение у цирка Буша составляет блестящий эпизод в деятельности нашей берлинской организации. Но мы знаем, что это пролетарская организация, и мы не хотели, чтобы дело было истолковано так, будто между нами есть постоянное расхождение во мнениях. Насколько мы можем судить, такого расхождения во мнениях нет. Есть лишь такое различие в оттенках, которое неизбежно во всякой организации. Мы тогда приглашали берлинских товарищей лично явиться к нам, чтобы как можно скорее уладить этот конфликт. Это не удалось. Я не могу не подчеркнуть этого на Конгрессе, чтобы раз навсегда покончить с этим конфликтом. Мы убеждены, что наша берлинская организация будет продолжать и в дальнейшем оказывать величайшие услуги партии.

Я хотел бы сделать еще несколько замечаний в ответ на речь тов. Фишер. Позвольте мне

сказать вам, тов. Фишер, что ваша речь содержит много верного, но в то же время и много ошибочного. Это не так уж плохо. Это, если можно так выразиться, случается в самых лучших семействах. Вы говорите, например, что Г. С. П. поймала Н. С. П. на приманку единого фронта. Это не верно. Вы льстите Н. С. П. Она не то, что была поймана, она сама хотела быть пойманной. И именно это мы должны сказать германским рабочим. Желание быть пойманной стояло в связи со всей политикой Н. С. П. Она улучила момент, чтобы дать себя поймать. В сущности, она сама бросилась на шею Г. С. П. Это обстоятельство очень важно для того, чтобы теперь вновь привлечь на сторону революции рабочих из Н. С. П. Вы допускаете преувеличения и в мелких частностях, говоря, что в течение целых недель велись переговоры с верхами рабочих организаций. Переговоры несколько затянулись, но они не продолжались несколько недель. Насколько мне известно, они не продолжались и недели. Но как я сказал, можно не обращать внимания на такие мелочи, если, кроме них, нет ничего другого. Нам приходилось слышать от германских товарищей, особенно в частных разговорах, такой упрек: вы видите положение германской партии в слишком радужных красках; не все у нас обстоит так прекрасно. Товарищи, в виду того, что многие другие делегаты делали мне упреки противоположного характера, то я думаю, не так уж плохо, если я представил положение в одной из наших

партий несколько лучшим, чем оно было в действительности. Но нельзя отрицать, что те проблемы, с которыми Германской партии удалось справиться в течение одной недели, в других партиях еще целыми месяцами будут вызывать споры. После мартовских боев, после кампании, последовавшей за убийством Ратенау, после дискуссии, происходившей в Германской партии, можно сказать, не боясь впасть в преувеличение, что наша Германская партия уже оставила позади себя главнейшие трудности и теперь стоит на пути к тому, чтобы сделаться подлинной коммунистической партией, умеющей правильно маневрировать; я надеюсь — это не комплимент, а мое искреннее мнение, что она скоро доведет дело в Германии до решительных событий, может быть скорее, чем думают иные из нас, и даже некоторые из германских товарищей.

Теперь я отвечу французским товарищам. К сожалению, не все существующие в Коммунистическом Интернационале направления отразились достаточно полно в дискуссии. Многие товарищи промолчали, и этого нельзя им поставить в заслугу. Товарищ Дюре вполне правильно указал, что наши левые друзья, когда у них есть что-нибудь на душе, немедленно высказывают нам это с полной, иногда даже с слишком полной, откровенностью. Это хорошая черта левых. Но те товарищи, которые сидят несколько правее, отмалчиваются. Это не хорошо. Если принять во внимание только то, что говорилось в этом зале, то приходится признать, что

в рядах Коммунистического Интернационала, или по крайней мере в непосредственной близости от него, имеется центристское, полу-социал-демократическое настроение.

Но мы хотим здесь говорить не только о том, что было открыто высказано, но и о том, что было умолчено. Только тогда мы получим правильную картину действительности. К сожалению, я не слышал здесь живой речи французского товарища из центристского лагеря, на которую я мог бы сослаться в своем ответе. Надо надеяться, что у нас еще будет эта возможность в дальнейшем ходе работ Конгресса.

Что касается речи тов. Дюре, то я думаю, что тов. Бухарин судит его слишком строго. Конечно, тов. Дюре и его группа сделали слишком много ошибок. Но если принять во внимание, что эта группа имела 800 представителей на Парижском съезде, и в том числе не мало настоящих рабочих, что многие товарищи, между прочим и тов. Дюре, откровенно сознали теперь свои ошибки, то нельзя отделываться одними насмешками и говорить: завтра он сделает то же самое. Если он завтра сделает то же самое — тогда — пусть он не прогневается — весь Интернационал должен будет выступить против него. Но когда он заявляет: мы признаем свои ошибки, то у нас нет причин не верить ему. Напротив того, я убежден, что значительная часть бывшей фракции Рену действительно верна Интернационалу и действительно хочет исправить — и исправит — ошибки, совершонные этой фракцией.

Необходимо все же поближе присмотреться к его аргументации. Некоторые из его аргументов были опровергнуты. Он говорил, что в Германии массы организованы, а во Франции они не организованы. Поэтому, в Германии единый фронт уместен, а во Франции нет. Я должен сказать тов. Дюре, что он совсем не понимает, что означает привлечение на нашу сторону большинства рабочих. Это бесформенная и недифференцированная масса, она подобна морскому песку. В этом наше проклятие. Мы должны придать этой массе определенную форму и воспитать ее. Во Франции это гораздо легче сделать, именно потому, что во Франции нет устойчивых традиций. В Германии рабочий, прежде чем переменить свой партийный билет, переживает тяжелую внутреннюю борьбу. Не то во Франции. Уже при возникновении Коммунистического Интернационала мы говорили, что социал-демократия составляет величайшую помеху революции, и можно даже выставить такое положение, что чем сильнее социал-демократия, тем труднее создать единый фронт. У вас во Франции социал-демократия, к счастью, никогда не была особенно сильна.

Но вам гораздо легче будет преодолеть ее, если вы будете вести истинно-революционную политику, если вы станете истинно-коммунистической партией. Далее вы говорили, что у вас во Франции тактика единого фронта с самого начала была истолкована как политическая избирательная комбинация. Хорошо, допустим! Но

почему же вы не применяли этой тактики в экономической области, почему вы ее не применяли в профдвижении? Невозможно установить принципиальное разграничение между обоими видами единого фронта. Такое разграничение признает только тов. Бордига, но это неправильно. Почему не был поднят вопрос о 8-ми часовом рабочем дне?

Теперь вы заявляете, что ваша партия слишком слаба и т. д. Но почему вы так слабы? Только потому, что вы неправильно истолковали вопрос о едином фронте.

Чтобы покончить с французским вопросом, скажу еще несколько слов о тов. Росмере. Товарищ Росмер сегодня утром привел мои слова о том, что партия, которая не укрепилась на фабриках и заводах, которая не признает революционного характера движения фабрично-заводских комитетов, не может иметь серьезного значения. Росмер сказал, что первая посылка верна, а вторая нет. Он указывает, что нужно считаться с объективными, часто непреодолимыми препятствиями. Но я настаиваю на своем, ибо это очень важный вопрос: движение фабрично-заводских комитетов стало основным движением современной действительности. Конечно, нельзя не дооценивать объективные препятствия. В Англии, например, движение фабрично-заводских комитетов (Shop Stewards mouvement) во многих центрах почти заглохло. Это только доказывает, что в Англии нет массового революционного движения. Но мы должны определенно заявить:

в тех странах, где наша партия действительно представляет серьезную революционную силу, она, по нашему убеждению, в ближайшее время вызовет такое движение.

Я глубоко убежден, что если наша братская французская партия действительно оправится от своей болезни, то она через каких-нибудь полгода сумеет дать начало серьезному движению фабрично-заводских комитетов. Ведь были же забастовки, была же забастовка в Гавре, и другие, длившиеся 3 — 4 месяца. В Гавре массы были почти не организованы. Вначале партия ничего не делала. При наличии таких блестящих забастовок, вполне можно было ожидать, что партия, которая, подобна нашей, имеет газету с 200.000 подписчиков, сумеет в самый короткий срок вызвать движение фабрично-заводских комитетов. Поэтому я и не считаю нужным прислушиваться к квиетистам, которые говорят о затруднениях и препятствиях. Конечно, препятствия имеются, но многое зависит от нас самих. Поэтому я считаю необходимым настаивать на своем тезисе.

Мне хотелось бы остановиться еще на одном месте в речи тов. Дюре. Он сказал, что в связи с происшедшим расколом центра возникает опасность перехода к нам части его членов, которые принесут с собой заразу. В этом он совершенно прав. По этой причине мы их и не приняли, когда они хотели к нам примкнуть. Тогда они решили объединиться и образовать свой собственный Интернационал. Таким образом и возник $2^1/_2$ Интернационал. Теперь он раскололся, боль-

шинство его членов объединилось со 2-м Интернационалом, а часть этих господ собирается вторично постучаться к нам; но мы должны быть осторожны, мы должны во что бы то ни стало еще раз закрыть перед ними дверь, и еще раз ткнуть им в нос 21 условие. Впрочем, для этих людей двадцати одного условия недостаточно. Мы должны будем поставить им 42 условия (смех и аплодисменты). В противном случае они все проглотят, и завтра у нас опять будет та же борьба.

Теперь перехожу к Италии.

Это самый болезненный вопрос на нашем конгрессе. Мы все знаем, что партия, возглавляемая тов. Бордигой, по существу является здоровой, истинно-революционной рабочей партией; она сделала много хорошего, и тем не менее часто приходится вести с ней борьбу по теоретическим политическим вопросам. В этом и заключается болезненная сторона вопроса. Но ничего не поделаешь, мы обязаны следовать партийному долгу. Тов. Бордига начал с борьбы против наших тезисов о завоевании большинства рабочего класса. Он сказал, что это слишком неопределенная формула. По его мнению, непонятно, что мы под этим подразумеваем и чего мы хотим. Он желает вычеркнуть из резолюции всякое указание на завоевание большинства. Это привело в свое время к первой схватке между тов. Лениным и тов. Террачини. Я должен признаться, что нам тогда было немного жаль Террачини, нам казалось, что тов. Ленин обошелся с ним слиш-

ком резко, что эти люди ни в коем случае не пойдут против воли большинства. Однако даже теперь после победы фашистов, после раскола Итальянской Социалистической Партии, после целого ряда других мировых событий — тов. Бордига появляется здесь на трибуне и провозглашает: большинство — есть лишь неопределенная формула. Теперь я должен сознаться, что Ленин был совершенно прав. Эти люди повидимому боятся большинства. Ведь, Бордига совершенно серьезно спрашивает, как установить большинство. В нашей резолюции указывается, что мы желаем добиться влияния коммунистов на большинство рабочего класса. Как же установить, что мы действительно добились большинства? Мы не пойдем к нотариусу, и не станем требовать от тов. Бордиги свидетельства от какого-нибудь итальянского нотариуса или от Муссолини, что в Италии коммунисты располагают большинством. Мне кажется, что профсоюзы дают для этого наилучший критерий. Имеются также и другие признаки, позволяющие судить об этом. Из этого, конечно, не следует, что мы не должны начинать борьбу, пока нам не удастся овладеть большинством рабочих. Но Бордига называет нашу тактику своего рода торгашеством. По его мнению, Исполком поворачивает сегодня направо, а завтра налево. Я же утверждаю, что Итальянская партия впала в серьезную ошибку, которую необходимо исправить; и если это не будет сделано, то партия погибнет.

В самом деле, чего можно ждать от партии, у которой не хватает энергии даже на то, чтобы поставить себе основной целью завоевание большинства? И это вовсе не расплывчатая формула. Бордига ссылается на мои же слова, что влияние некоторых партий усилилось несмотря на то, что численность их уменьшилась. Это действительно так. Речь идет именно об этом влиянии. Добиться организационного привлечения большинства рабочих в наши ряды мы пока не можем. Это будет возможно только тогда, когда пролетариат захватит власть. Даже в России мы только теперь, на пятом году революции, начинаем организационно овладевать большинством.

В других странах это пока еще невозможно. Но добиться влияния на большинство можно уже и теперь. Да, имеются партии, которые потеряли в смысле численности, но выиграли в смысле влияния. Но, ведь, именно влияние-то нам и нужно. Я приведу вам пример из далекой страны Нового Южного Уэльса. У нас там была партия в 500 членов. После того, как мы ее приняли в Коммунистический Интернационал, численность ее поднялась до 900 — 1000 членов, но эта маленькая партия привела в Профинтерн все местные профсоюзы — около 230.000 рабочих, спаянных дисциплиной и полных воодушевления. Это очень хороший пример. Мы не говорим: сделайте милость, овладейте организационно большинством в организациях. Мы отлично умеем ценить инициативу меньшинства. Как можем мы не

ценить эту группу в 500 человек, которая сумела подчинить своему влиянию 230.000 рабочих? Речь идет именно о влиянии коммунистов, как таковых. Бордига восклицает: «Добиться влияния, но во имя чего? Во имя коммунистической программы? Да, но во имя одной каши? О нет, никогда!»

Разумеется, мы желаем привлечь рабочих на нашу сторону во имя революции. Но если тов. Домбский думает, что 230.000 рабочих из Нового Южного Уэльса читали программу Бухарина или что они будут читать проекты Тальгеймера и Кабакчиева, то он глубоко заблуждается. Рабочие отлично знают, чего они хотят. Они хотят свергнуть буржуазию. И этим мы можем пока вполне удовлетвориться.

Еще несколько слов об итальянских профсоюзах. Мне недавно пришлось читать статью, написанную, вероятно, тов. Террачини. В ней говорится о фашистских профсоюзах. Фашисты образовали в Италии свои собственные профсоюзы, — явление, действительно, новое и весьма важное. Они хотят стать массовой организацией. Ну, а рабочие что делают? Я могу вам привести пример. В одном из крупных предприятий администрация уволила всех рабочих, заявив, что она будет принимать впредь только тех, кто представит фашистскую союзную книжку. Рабочие подумали некоторое время, а затем все заручились фашистскими союзными книжками, после чего они были вновь приняты. Через некоторое время начались выборы фабричного комитета.

И что же? Фашисты получили лишь один процент голосов. Подавляющее же большинство получили коммунисты. Это была гениальная выходка со стороны рабочих масс. Эти массы поняли сущность вопроса. Они решили представить фашистские книжки, оставаясь в то же время революционерами, и таким образом обойти грубое насилие. Раз фашисты захватывают профсоюзы и основывают новые, то нам необходимо проникать в эти союзы и пытаться овладеть ими. А что делают наши друзья? Они пишут статью, в которой толкуют о том, что такое фашизм, о том, что такое профсоюзы, о диктатуре пролетариата и т. д. и т. д. В этой статье есть целый ряд метких аргументов, но не хватает только одного: живой души, живого чутья. Единственное, что нужно было сказать — это то, что мы должны вступать в эти профсоюзы и схватить буржуазию за горло. Но этот единственный вывод отсутствует, и поэтому все рассуждения мертвы. Насколько мне помнится, эта статья была перепечатана в «Инпрекор'е». Прочтите ее. Вы в ней не найдете ни одной живой мысли, которая научила бы простого рабочего, как проникнуть во вражескую крепость. В этом-то и заключается вся слабость нашей, вообще говоря, очень хорошей и мужественной Итальянской Коммунистической Партии.

Теперь несколько слов об Испании. Я нахожу очень интересной речь тов. Асеведо. Самое существенное в этой речи заключается в том, что Испания достигла больших успехов в смысле

применения тактики единого фронта. Раньше испанские товарищи были противниками этой тактики. На расширенном пленуме Исполкома один из испанских товарищей голосовал вместе с Рену против нее. Теперь же выяснилось, что в Испании наши товарищи добились крупных побед даже над синдикалистами и анархистами. Это должно послужить нам примером, и я советую нашим друзьям из Французской партии иметь это в виду.

Перехожу к Чехо-Словакии. Я не стану нападать на тов. Вайтауера, уже достаточно служившего здесь объектом нападок. Замечу только: вопрос для нас не исчерпывается тем, что, как это доказал тов. Нейруд, программа оппозиции ничего не стоит. Да, они беспомощны. Можно, конечно, доказывать весьма научно, что они — прудонисты, хотя относительно некоторых из них нельзя поручиться, что они когда-либо читали или хотя бы слышали о Прудоне. Но этим вопрос не разрешается. Надо конкретно представить себе положение в целом.

Товарищи из Центрального Комитета чехословацкой партии говорят, как вы знаете, что мы совершили ошибку, отменив постановление об исключении оппозиции; поддерживают их и некоторые германские товарищи. Говорят, будто мы подрываем этим авторитет чехословацкого Центрального Комитета. Я этого не думаю. Я надеюсь, что авторитет чехо-словацкого Ц. К. и чехо-словацкой партии стоит столь высоко, что его нельзя подорвать одной ошибкой.

Я полагаю, что речь тов. Вайтауера только поднимет авторитет Ц. К. и покажет рабочим, как обстоит дело в действительности. Незачем, подобно тов. Крейбиху, писать целую серию статей, восхваляя способности одних и подчеркивая низкий уровень других. Сознание рабочих следует развивать иным путем. Я не знаю, на чем мы остановимся в результате прений, и не хочу предвосхищать решений комиссии, они могут быть и неожиданными, ибо, когда товарищи не подчиняются решениям Исполкома, то остается только порвать с ними. Итак, дело может, конечно, принять и весьма нежелательный оборот. Но все же Интернационал поступил правильно, пригласив товарищей сюда и передав все дело на обсуждение международного конгресса. Если они и будут исключены, то будут исключены не Ц. К. партии, а Интернационалом. Ни в Германии, ни в какой другой стране никто не сможет тогда сказать: видите, левых рабочих исключают, даже не выслушав их. Нет, итальянцы, немцы, словом, все товарищи должны воочию убедиться, можно ли оставить этих людей в нашей среде. Когда мы исключали Верфейля, Фабра и других представителей правой, то делалось это на основании § 9. Но рабочих, хотя бы и преклоняющихся перед Прудоном, нельзя немедленно исключать. Надо быть терпеливыми, обождать, попытаться их переубедить. Надо обсудить это вместе с представителями всех стран. Не забывайте, что все это произошло всего за какой-нибудь месяц до конгресса. К чему же так

торопиться? Наш долг, наша обязанность внести дело на обсуждение Интернационала. У нас создалось впечатление, что они повинны, пожалуй, кое-в-чем похуже прудонизма. И я надеюсь, что рабочие, проникнутые подлинно международным духом, выслушав мнение Интернационала, двадцать раз передумают прежде, чем порвать с партией.

Принято говорить, что всякая серьезная операция вызывает известное болезненное ощущение. Так, например, некоторые германские товарищи заявляют: политика Исполкома начинает слегка отдавать духом Германской Коммунистической Рабочей Партии. Исполком собирается покровительствовать подобным элементам! Мне кажется, что в вопросе о Германской Коммунистической Рабочей Партии мы были совершенно правы. Мы их исключили, когда они представляли из себя уже совершенно ничтожную группку, после целого ряда попыток переубедить их. Интернационал вынес свое окончательное суждение лишь, когда все лучшие элементы из них уже перешли в нашу объединенную коммунистическую партию. Ныне это совершенно безобидные люди, которые представляют, пожалуй, еще некоторый интерес для истории, но отнюдь не для политики. А что делал в таких случаях блаженной памяти Леви? Он поступал иначе. Ему не терпелось. Стоило нескольким рабочим заявить, что они несогласны с тем или иным мнением, как он порывал с ними. Союз спартаковцев совершил ошибку, пойдя в этом вопросе по стопам Леви. Вот когда сказалась истинная сущность буржуазного аристо-

крата Леви, в глазах которого рабочий был лишь объектом, у которого ни разу не нашлось для рабочего ласкового слова, который не сумел растолковать рабочему его ошибки. Наш чешский Центральный Комитет намеревался повторить эту ошибку по отношению к своей оппозиции.

Эта ошибка того же порядка; вот почему мы остановили карающую десницу и сказали: обождите, товарищи, соберется IV конгресс, мы надеемся, что лучшие элементы к нам вернутся. Если это окажется не так, то произойдет разрыв. Вопрос несколько сложнее, чем мы полагали. Здесь дело не только в авторитете, заинтересована вся партия, заинтересован весь Интернационал в целом. Вопрос касается не одной Чехо-Словакии. Я слышал, что в Берлине некоторые товарищи сознательно раздували эту историю. Но это только к слову. Несомненно одно — настроение тревожное, вопрос этот не только чешский, но и международный. Вопрос в том, как нам вести себя в отношении подобных рабочих групп. Я полагаю, нам надо попытаться решить это на конгрессе таким образом, чтобы эти рабочие, несмотря на все совершонные ими ошибки, остались с нами. С теми, кто, будучи приверженцем философии Вайтауера, недостаточно считается с Интернационалом, нечего, конечно, разговаривать. Надеюсь, что относительно большинства вопрос разрешится иначе. В решительный момент они вспомнят, что наш Интернационал не таков, как его охарактеризовал Вайтауер, что существует только один пролетарский Интерна-

ционал и что он имеет величайшее значение для всякого рабочего. Я полагаю, что именно эти рабочие усвоят себе такой взгляд и вернутся к нам.

Перехожу теперь к вопросу о Польше и к речи нашего товарища Домбского. Не могу обойти молчанием крупную политическую ошибку, совершонную тов. Домбским еще до III конгресса. Именно Домбский в период русско-польской войны написал статью, в которой говорилось: двигать в Польшу Красную Армию, нести в Польшу советские штыки, — это не коммунистическая политика (возглас тов. Домбского). Тов. Домбский, я знаю вас целые десять лет и знаю, что вам трудно оставаться спокойным, когда вас критикуют. И все же я прошу вас соблюдать спокойствие. Такова была ваша позиция сначала в одном из писем, а затем на страницах «Роте Фане»; мы ее тогда охарактеризовали как самый рафинированный национализм. Каждый пролетарий, обладающий здравым смыслом, понимает, что в момент, когда буржуазия силою оружия господствует над рабочими, следует приветствовать, если Красная Армия, все равно венгерская, итальянская или французская, окажет помощь пролетариату соседней страны. Здравый смысл подсказывает это любому рабочему (общие аплодисменты). Конечно, тов. Домбский не националист. Его позиция была лишь результатом одного из тех предрассудков, которые порой всасываются с молоком матери. Это своего рода пережиток идеологии П. П. С. Вся польская интеллигенция

проникнута националистическим духом. Заражены до известной степени этим национализмом и некоторые из наших товарищей. Подобную же ошибку совершил тов. Домбский 15 месяцев тому назад. Я говорю это вовсе не для того, чтобы — так сказать «уничтожить» его. Если он собирается нас поучать, то пусть поучает, но мы будем помнить, что им была в свое время совершена политическая ошибка.

Перейдем теперь к самому поучению. Я уже подверг критике мнение тов. Домбского по вопросу о большинстве. Мы прекрасно знаем, что пока-что большинство в Польше еще не на нашей стороне. Выборы, только что проведенные Пилсудским, мы не можем считать критерием. Известно, что Пилсудский — мошенник, и эти выборы подтасованы буржуазией. Нам все это прекрасно известно, но с другой стороны мы знаем, что весьма близок день, когда у нас будет большинство. Этот день еще не пришел, но долго ждать нам, повидимому, не придется.

Далее товарищ заявил: — во всех остальных странах политика единого фронта, быть может, хороша, но в Польше она никуда не годится. Это та самая идеология, с которой мы сегодня уже имели случай познакомиться. Во всех остальных странах исполком может поступать по-диктаторски, там можно проводить таким образом тактику единого фронта, но у нас дело обстоит иначе: здесь своеобразные отношения, иной пролетариат, иная партия. А я говорю: как раз в такой стране, как Польша, наиболее уместна

тактика единого фронта. Вы существуете нелегально, но вы ухитрились даже на выборах действовать нелегально — даже на выборах. Изо дня в день на страницах издаваемого в Варшаве центрального органа П. П. С. я вижу рубрику с заголовком: да здравствует рабоче-крестьянское правительство! Могу вам прочесть это по-польски (читает). Мы тоже знаем польский язык. Живя в Кракове, мы кое-чему от товарищей Домбского научились. Что это означает? Это означает, что в самой гуще пролетариата и крестьянства популярен лозунг рабочего правительства. Вы сказали, что мы занимаемся демагогией, рассчитывая на успех этого лозунга в рабочих массах. Тов. Домбский говорит: мы должны быть противниками рабочего правительства и единого фронта. Я же говорю наоборот: если эти лозунги столь популярны в массах, что даже социал-предатели вынуждены их изо дня в день повторять, то мы должны выдвинуть лозунг единого фронта. Этот лозунг надо им ежедневно совать под нос. Мы знаем, что польские рабочие и крестьяне стоят не за буржуазное, а за рабочее правительство. И мы должны сказать социал-предателям: хотя вы и предатели, все же мы предлагаем вам образовать рабочее правительство и единый фронт.

Под этим лозунгом должна вестись агитация. Положение в Польше имеет свои особенности, но это именно и вынуждает нас там больше, чем где бы то ни было, проводить тактику единого фронта.

Польские товарищи познакомили меня с речью тов. Слусарского, представителя польской оппозиции, который, к сожалению, здесь не выступал. В личной беседе тов. Домбский просил меня их не смешивать и не отождествлять их позиций. Смешать, товарищи, мудрено. Но в одном из своих выступлений на партийной конференции тов. Слусарский сказал следующее:

> «Когда тов. Ленин говорит «дальше мы не пойдем», я охотно верю, что это его искреннее убеждение. К сожалению, это невозможно. Экономический диктатор России — крестьянство.
>
> Возникает вопрос, как отнесется III Интернационал к этой политике? Советское правительство пустит в ход все средства, чтобы обосновать и оправдать свою политику. В этом отношении влияние социал-предателей и оппортунистов на правительственную политику может стать весьма значительно, тактика единого фронта, устанавливающая контакт с оппортунистами, способствует росту их влияния».

Худших обвинений против Советской власти нельзя и придумать (возглас: Леви!). Я не думаю, чтобы Слусарский имел много общего с Леви. Он давно уже изжил это заблуждение, а если нет, то изживет его не позднее нынешней ночи. (Смех.) Но кое-что здесь в духе Леви. Видите, тов. Слусарский, на какой наклонной плоскости вы находитесь!

Начинают обычно с критики слева, а затем и чуть ли не в одно мгновение ока приходят к позиции Леви. Это весьма скользкий путь. Изжить это заблуждение необходимо как можно быстрее.

Наконец еще несколько слов о Норвегии. Я сказал, что в Норвегии имеется 12 газет, носящих название «Социал-Демократ». Товарищ Хокон-Мейер злорадно указал мне, что газет у них целых 40. Вероятно, все они называются «Социал-Демократ». Наша Норвежская партия сильна, и именно поэтому мы должны предъявлять к ней строгие требования. Слушая небольшую речь молодого академика, мы сразу сказали себе, что товарищи ошибаются. Часть группы «Mot Dag» хороша, но другая часть не подчиняется партии; мы знаем, мы видели у нас в России, что такое молодые академики: о них у нас в России говорилось, что до 25-ти лет они пламенные революционеры, в 26 лет они остывают, в 30 лет они — обеспеченные адвокаты, а затем они становятся врагами рабочего класса. Мы боимся этих академиков. Тот, кто действительно учился чему-нибудь, должен подчиниться партии, должен итти в ряды рабочих и помогать им в их освободительной борьбе, а не заявлять, на втором году участия в движении, что он находит Коммунистический Интернационал недостаточно самостоятельным. Мы должны во что бы то ни стало добиться в Норвегии ясности положения, и, я надеюсь, мы добьемся этого.

Теперь несколько слов по поводу речи товарища Варга. Он очень пространно доказывал, что быть сытым лучше, чем голодать, и что пора покончить с легендой о голоде. Но дело не в этом. Во-первых, это не было легендой: это был действительный голод, которого мы

не могли и не хотели скрывать от рабочих масс Запада. Теперь положение начинает улучшаться, голод миновал, и, само собой разумеется,—в этом пункте я вполне согласен с тов. Варга — мы скажем рабочему классу, что русский рабочий больше не голодает, что его положение с каждым днем улучшается. Правда, мы не станем бахвалиться, мы подождем, пока это не станет бесспорным фактом. Мы покажем это рабочим на основании фактов и цифр. Мы шаг за шагом будем улучшать положение наших рабочих и говорить об этом рабочим других стран. Но спор идет вовсе не об этом. В России нет больше голода, но в других странах — этого нельзя скрывать—диктатура пролетариата может повлечь за собой голод. Можем ли мы замалчивать эту возможность, как бы горька она ни была? Мы не можем этого сделать, мы должны сказать рабочим правду. В России это тянулось пять страшных лет, в других странах это продлится, вероятно, несколько меньше. Диктатура может и не повлечь за собой голода, это зависит от различных факторов. Но в некоторых странах голод, вероятно, явится ее спутником. Скрывать это от рабочих, значит — допустить оппортунизм, проявить внутреннюю трусость. Мы не можем обещать рабочим, что на завтра им станет хорошо, у них будет и мясо, и удобное жилище. Тут-то, именно, и могут побить нас реформисты. Дело не в том, что я хотел скрыть от рабочих других стран факт окончания голода в России. Дело в том, чтобы подготовить их к тому, что,

может быть, ожидает и их. Это мы им должны сказать без боязни. А рабочий хорошо знает жизнь, он понимает, что голод придет, он примирится с этим. Во всяком случае мы, идущие во главе авангарда рабочего класса, должны ему открыто сказать это.

Еще несколько слов по поводу речи товарища Ландлера. Я желал избавить Конгресс от этой неприятной дискуссии, но мне это не удалось. Тов. Ландлер представил дело в таком виде, будто я выступал против всякой эмиграции, вообще. Товарищи, вы слышали мою речь, так ли это было? Я сказал, что, по всей вероятности, нашим итальянским друзьям не миновать необходимости иметь эмиграционную базу. Ее имели финны, ее имели и мы — русские. Я умею ценить эмиграцию, но такую эмиграцию, которая заботится о своих борющихся товарищах. Мы никогда не станем отзываться, подобно г-ну Эберту, о ней, как о «заграничных группах и группках». Но, товарищ Ландлер, здесь вы промахнулись. Есть, однако и такая эмиграция, которая губит, отравляет движение, и такой случай мы имеем в части венской эмиграции, от имени которой выступал здесь сегодня товарищ Ландлер. Тов. Ландлер называет меня дипломатом. Какая тут, помилуйте, дипломатия? Я прямо и открыто заявляю т. Ландлеру, что он и его друзья приносят вред нашему делу, а он обвиняет меня в дипломатии!

Что касается товарищей, находящихся в тюрьме, то им, само собой разумеется, почет и уважение. Первым словом этого Конгресса на его торже-

ственном открытии в Петрограде было специальное обращение к заключенным товарищам, и, не в последнюю очередь, к заключенным венгерским братьям. Само собой разумеется, что я сугубо поддерживаю ту часть предложения товарища Ландлера, где говорится о необходимости приветствовать наших находящихся в тюрьме братьев и вспомнить о павших. Но я не могу согласиться со второй частью его предложения, а именно, что следует предоставить мандат еще двум эмигрантам и создать на этом Конгрессе Комиссию для вторичного расследования венской истории. О чем здесь, собственно, речь? Память венгерских товарищей, павших в борьбе за нас, навсегда останется для нас священной. Но говорить так от имени павших не годится. Такую манеру мы сплошь и рядом встречали у социал-революционеров. Каждый раз, когда царские войска расстреливали людей, социал-революционеры присваивали себе право говорить от имени этих жертв царизма. Мы говорим: для нас свята память всех павших в борьбе за освобождение, но не вам говорить от имени мертвых! Я повторяю это также товарищу Ландлеру. От имени мертвых имеет право говорить только весь Интернационал в целом, а не тот или иной отдельный товарищ. Венские сплетни не должны касаться этой святыни. Это совершенно различные вещи, которых нельзя смешивать.

В Венгрии в настоящее время имеется 4.000 коммунистов, сказал товарищ Ландлер. Я надеюсь, что их больше. Во всяком случае, я хотел бы

знать, на чьей стороне эти 4.000 товарищей: на стороне ли Исполкома Коминтерна, или же на стороне венских сплетен, которые так остроумно излагал нам здесь товарищ Ландлер. Я надеюсь, что они за нас, а не за венские сплетни.

Товарищ Ландлер говорил от имени товарищей, находящихся в тюрьмах Венгрии. К сожалению, мы не можем беседовать с ними, хотя возможно, что нам удастся доставить их в Москву. Но у нас уже сейчас есть здесь товарищи, вырванные нами из венгерских тюрем. Что говорят эти товарищи? На чьей они стороне? На стороне товарища Ландлера? Нет, они против товарища Ландлера, против венских дрязг и за Интернационал. Мы действительно сделали все, чтобы уладить этот вопрос. То-то было зрелище для $2^1/_2$-го Интернационала! Вы, немецкие, французские, английские и все другие товарищи, помните, вероятно, как эта история попала в газеты, причинив нам не мало вреда. Публика облизывалась, это был венский шницель для Фридриха Адлера (смех). И виной всему товарищ Ландлер, а теперь он полагает, что этого мало, что это следует повторить. Мы против подобных комиссий. Их было достаточно. Интернационал гарантирует вам, что положение там будет оздоровлено, но лишь в том случае, если вместо пересказов эмигрантских дрязг, нам будет ясно и определенно указано, о чем идет речь. Шапку долой перед эмиграцией, помогающей движению, но долой эмиграцию, дающую лишь пищу для сплетен 2-му и $2^1/_2$-ному Интернационалу. С нас довольно такой эмиграции.

Итак, товарищи, я в общем и целом закончил свой ответ. Я хотел бы лишь коснуться еще одного небольшого вопроса. Вчера товарищ Радек сказал, что опасность угрожает не слева, а справа. Я хочу подчеркнуть эти слова и совершенно к ним присоединиться. Дело не в доброй воле того или иного товарища, той или иной группы, а в объективных условиях. Мы должны это ясно видеть. Могут притти еще худшие времена. Нам удастся укрепить Коммунистический Интернационал и сохранить за ним характер авангарда пролетариата лишь в том случае, если для нас будет ясно, что мы являемся Интернациональной организацией, задача которой — бороться не только на словах, но и на деле, против малейшего следа оппортунизма. Я сказал сегодня в одной из комиссий: мы часто слышим от наших друзей, что они в принципе согласны со всем, что делает Исполком. Но в том-то и вся загвоздка, и я цитировал Бисмарка, сказавшего как-то: «Мы, старые дипломаты, всегда таковы: когда мы говорим, что мы в принципе согласны, значит, мы—против». В Коммунистическом Интернационале это недопустимо... Кто против тактики Коммунистического Интернационала, пусть тут же заявит об этом. Кто за нее, тот пусть защищает ее со всем жаром, со всей силой. Тогда мы, несмотря на все препятствия, создадим действительно Коммунистический Интернационал, Интернационал, который при первом же случае поведет рабочий класс в наступление и к победе.

О ТАКТИКЕ КОМИНТЕРНА.

К докладу тов. Зиновьева о дальнейшей тактике К. И.

I. Подтверждение резолюций III Конгресса.

IV Всемирный Конгресс констатирует прежде всего, что резолюции III Всемирного Конгресса:

1) о мировом экономическом кризисе и задачах Коминтерна и

2) о тактике Коминтерна—были всецело подтверждены ходом событий и развитием рабочего движения за время между III и IV Конгрессами.

II. Период упадка капитализма.

На основании оценки мирового экономического положения III Конгресс мог с полной определенностью констатировать, что капитализм, выполнив свою миссию в деле развития производительных сил, оказался в непримиримом противоречии с потребностями не только современного исторического развития, но также с самыми

элементарными условиями человеческого существования. В последней империалистической войне и нашло свое отражение это основное противоречие, которое было еще более обострено войною и подвергло условия производства и обмена самым тяжелым потрясениям. Изживший себя капитализм вступил в ту стадию, когда разрушительная работа его разнузданных сил парализует и уничтожает творческие завоевания в экономической области, сделанные пролетариатом, несмотря на оковы капиталистического рабства.

Общая картина распада капиталистического хозяйства не ослабляется теми неизбежными колебаниями конъюнктуры, которые свойственны капиталистической системе, как при подъеме, так и в момент упадка. Попытки буржуазной и социал-демократической политической экономии истолковать наступившее во вторую половину 1921 г. в Соединенных Штатах и, в значительно меньшей мере, в Японии и Англии, отчасти также во Франции и в других странах, улучшение конъюнктуры в качестве признака восстановления капиталистического равновесия, основаны частью на желании исказить факты, частью по недостаточной проницательности лакеев капитала. III Конгресс, заседавший еще до начала нынешнего промышленного оживления, предвидел неизбежность его в более или менее близком будущем и уже тогда самым определенным образом оценивал его как легкое отклонение от основной линии прогрессирующего распада капиталистического хозяйства. Уже сейчас можно с уверен-

ностью предсказать, что если нынешнее промышленное оживление в малой мере неспособно восстановить капиталистическое равновесие или хотя бы залечить зияющие после войны раны, то следующий циклический кризис, который должен совпадать с основной линией капиталистического распада, усилит все проявления последнего и тем самым чрезвычайно обострит революционность положения.

Капитализм до самой своей смерти будет подвержен циклическим колебаниям. Только захват власти пролетариатом и мировая социалистическая революция в состоянии спасти человечество от перманентной катастрофы, вызываемой существованием современной капиталистической системы.

То, что происходит сейчас с капитализмом, есть не что иное, как его гибель. Крушение капитализма неизбежно.

III. Международное политическое положение.

Прогрессирующий распад капитализма отражается также и в международном политическом положении.

Репарационный вопрос все еще не разрешен. В то время, как происходят одна за другой конференции государств Антанты, хозяйственный распад Германии идет своим путем и угрожает существованию капитализма во всей средней Европе.

Катастрофическое ухудшение хозяйственного положения Германии либо заставит Антанту отка-

заться от репараций, чем будет ускорено течение политического и экономического кризиса во Франции, либо приведет к созданию германско-французского промышленного блока на континенте; это ухудшит хозяйственное положение Англии и ее позицию на мировом рынке, и политически противопоставит Англию континенту.

На Ближнем Востоке политика Антанты потерпела полное банкротство. Севрский мир разорван турецкими штыками. Греко-турецкая война и связанные с нею события с очевидностью показали всю неустойчивость нынешнего политического равновесия. Ясно встает призрак новой империалистической мировой войны. После того, как империалистическая Франция, из-за конкуренции с Англией, оказала содействие разрушению на Ближнем Востоке общего творения Антанты, капиталистические интересы ее в настоящее время вновь толкают ее в ряды общего фронта капитализма против народов Востока. Но этим капиталистическая Франция еще раз показывает народам Ближнего Востока, что свою оборонительную борьбу против угнетателей они могут вести лишь совместно с Советской Россией и при поддержке революционного пролетариата всего мира.

Что касается Дальнего Востока, то победоносные державы Антанты попытались подвергнуть Версальский мир пересмотру в Вашингтоне. Однако, им удалось лишь получить передышку, сократив на ближайшие годы один род вооружения, именно, чрезмерный военный флот. Какого-либо разрешения вопроса они не достигли. Борьба

между Америкой и Японией продолжается, все более разжигая гражданскую войну в Китае. Берег Тихого океана попрежнему остается очагом крупных конфликтов.

Пример национальных освободительных движений в Индии, Египте, Ирландии и Турции показывают, что колониальные и полу-колониальные страны образуют очаги растущего революционного восстания против империалистических сил и представляют собою неисчерпаемый источник революционной энергии, которая при сложившихся обстоятельствах объективно направлена против существования буржуазного управления миром.

Версальский мир фактически ликвидирован. Между тем он не уступает своего места общему соглашению капиталистических государств, упразднению империализма, но создает новые противоречия, новые империалистические группировки и новые вооружения.

Восстановление Европы при существующем положении невозможно. Капиталистическая Америка не хочет пойти на жертвы для восстановления европейского капиталистического хозяйства. Капиталистическая Америка, как коршун, следит за распадом капиталистической Европы, собираясь унаследовать ее. Америка поработит капиталистическую Европу, если европейский рабочий класс не захватит политической власти, не очистит землю от развалин мировой войны и не начнет строить федеративную Советскую Республику Европы.

Недавние события в такой маленькой стране, как современная **Австрия**, имеют большое симптоматическое значение для характеристики политического положения в Европе. Под диктовку антантовского империализма вся пресловутая «демократия», охранявшаяся на-ряду с христианскими социалистами, также и вождями $2^1/_2$ Интернационала, была уничтожена одним росчерком пера в Женеве и заменена неприкрытой диктатурой простого уполномоченного Антанты.

Даже буржуазный парламент оказался фактически упраздненным; место его занял поставленный банкирами Антанты приказчик.

Эти события в маленькой Австрии, а также недавний фашистский переворот в Италии, подобно молнии, озаряют картину неустойчивости всего положения и лучше, чем что бы то ни было, показывают, что «демократия» есть лишь призрак, означающий на деле диктатуру буржуазии.

В то же время международное политическое положение **Советской России**, единственной страны, где пролетариат победил буржуазию и в течение пяти лет удерживает власть под ударами врагов, в огромной мере укрепилось. В Генуе и Гааге капиталисты Антанты пытались заставить Русскую Советскую Республику отказаться от национализации промышленности и взвалить на нее такое бремя долгов, которое фактически превратило бы Советскую Россию в колонию Антанты. Но пролетарское государство Советской России оказалось достаточно сильным, чтобы воспротивиться этим притязаниям. Среди хаоса распа-

дающейся капиталистической системы государств Советская Россия твердо стоит, от Березины до Владивостока, от Мурмана до гор. Армении, как растущий фактор господства в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке. Несмотря на попытку капиталистического мира задушить Советскую Россию финансовой блокадой, она сумеет приступить к своему хозяйственному восстановлению. Для этой цели она использует свои собственные хозяйственные рессурсы, и в то же время конкуренция капиталистических держав друг с другом заставит их повести сепаратные переговоры с Советской Россией. $^{1}/_{6}$ часть земного шара находится под властью Советов. Уже одно существование Советской Республики в России представляется постоянным фактором ослабления буржуазногоо бщества и важнейшим фактором мировой революции. Чем более Советская Россия будет экономически возрождаться и крепнуть, тем сильнее будет расти влияние этого наиболее выдающегося революционного фактора международной политики.

IV. Наступление капитала.

В виду того, что пролетариат всех стран, за исключением России, не использовал вызванной войной слабости капитализма для нанесения ему решительного удара, буржуазии — благодаря помощи социал-демократов — удалось победить готовых к борьбе революционных рабочих, вновь укрепить свое политическое и экономическое

господство и начать новое наступление на пролетариат. Все попытки буржуазии вновь, после потрясений мировой войны, наладить международное производство и распределение товаров происходили исключительно за счет рабочего класса. Систематически организованное в мировом масштабе наступление капитала на все завоевания рабочего класса вихрем охватило все страны. Реорганизованный капитал повсюду беспощадно понижает реально заработную плату рабочих, удлиняет рабочий день, урезывает скромные права рабочего класса в предприятиях и в странах с низкой валютой заставляет нищих рабочих расплачиваться за все бедствия, созданные в хозяйственной жизни обесценением денег и т. д.

Наступление капитала, которое за последние годы приняло грандиозные размеры, заставляет рабочий класс во всех странах переходить к обороне. Тысячи и тысячи рабочих в важнейших промышленных областях вступают в эту борьбу. В борьбу вовлекаются все новые группы рабочих, имеющие решающее значение для хозяйственной жизни (железнодорожники, горнорабочие, металлисты, государственные и муниципальные служащие). Большинство стачек до сих пор не давало непосредственных результатов. Но эта борьба вызывает в новых, все более многочисленных массах прежде отсталых рабочих бесконечную ненависть к капиталистам и к охраняющей их государственной власти. Эта навязанная пролетариату борьба разрешает политику сотрудничества с предпринимателями,

проводимую социал-реформистами и бюрократами профсоюзов. Борьба наглядно показывает даже наиболее отсталым слоям пролетариата неразрывную связь между экономикой и политикой. Каждая крупная стачка в настоящее время является крупным политическим событием. При этом оказалось, что партии 2-го Интернационала и вожди амстердамских профсоюзов не только не оказывали помощи рабочим массам, вступающим в тяжелую оборонительную борьбу, но прямо бросали их на произвол судьбы, предавая их предпринимателям и буржуазным правительствам.

Одна из задач Коммунистических партий заключается в том, чтобы заклеймить это неслыханное постоянное предательство и иллюстрировать его на примерах повседневной борьбы рабочих масс. Задача Коммунистических партий всех стран — расширять и углублять бесчисленные экономические забастовки, и, по возможности, превращать их в политические стачки и выступления. Само собою разумеется также, что задача Коммунистических партий усилить в процессе оборонительной борьбы революционное сознание и боевой дух пролетарских масс настолько, чтобы при благоприятных обстоятельствах эта борьба перешла из обороны в наступление.

При расширении этой борьбы неизбежно систематическое обострение противоречий между пролетариатом и буржуазией. Положение остается объективно революционным, и сейчас даже малейшая стачка может стать исходным пунктом великих революционных боев.

V. Международный фашизм.

В тесной связи с экономическим наступлением капитала стоит политическое наступление буржуазии на пролетариат. Особенно ярко оно проявляется в международном фашизме. В виду того, что растущее обнищание охватывает также и средние слои, в том числе и чиновничество, господствующий класс уже не уверен, что он имеет в лице бюрократии совершенно послушное орудие. Поэтому он всюду переходит к созданию особой белой гвардии, которая специально направлена против всех революционных стремлений пролетариата и все более и более служит для насильственного подавления всякой попытки рабочего класса улучшить свое положение.

Характерный признак итальянского «классического» фашизма, который на некоторое время захватил всю страну, состоит в том, что фашисты не только образуют вооруженные до зубов контрреволюционные боевые организации, но что они пытаются также путем социальной демагогии создать себе почву в массах: в крестьянстве, в мелкой буржуазии, даже в известной части пролетариата. Опасность фашизма кроется во многих странах: в Чехо-Словакии, Венгрии, почти во всех Балканских странах, в Польше, Германии (Бавария), в Америке и даже в таких странах, как Норвегия. В той или иной форме возможность фашизма не исключена и в таких странах, как Франция и Англия.

Одна из важнейших задач коммунистических партий состоит в организации сопротивления международному фашизму. Они должны итти во главе рабочего класса в борьбе против фашистских банд, энергично применяя и здесь тактику единого фронта и обязательно прибегая к нелегальным методам организации.

Но безумная фашистская организация является последней картой в игре буржуазии. Открытое господство белой гвардии обращается одновременно против основ буржуазной демократии вообще. Широчайшие массы трудящегося народа убеждаются в том, что господство буржуазии возможно только при неприкрытой диктатуре над пролетариатом.

VI. Возможность новых пацифистских иллюзий.

В настоящий момент международное политическое положение характеризуется фашизмом, осадным положением и растущей волной белого террора против рабочего класса. Но это не исключает возможности, что в недалеком будущем в некоторых важнейших странах открытая буржуазная реакция сменится «демократически пацифистской» эрой. В Англии (усиление Рабочей Партии на последних выборах), во Франции, (неизбежный период господства т. н. «левого блока»), такой «демократически пацифистский» переходный период весьма вероятен, и он может с своей стороны вызвать возрождение пацифистских надежд в буржуазной и социал-демократи-

ческой Германии. Между настоящим периодом господства открытой буржуазной реакции и полной победой революционного пролетариата над буржуазией лежат различные этапы и возможно различные кратковременные эпизоды. Коммунистический Интернационал и его секции должны иметь в виду и эти возможности. Они должны уметь защищать революционные позиции при всяком положении.

VII. Внутреннее положение в рядах рабочего движения.

В то самое время, когда, в виду наступления капитала, рабочий класс вынужден перейти к обороне, — в это самое время происходит сближение, а потом и слияние партий центра (независимые) с открытыми социал-предателями (социал-демократами). Во времена революционного подъема даже центристы, поддаваясь давлению масс, высказывались за диктатуру пролетариата и искали пути к 3-му Интернационалу. Но как только революционная волна понизилась, хотя бы даже временно, эти центристы вновь вернулись в лагерь социал-демократии, из которого они по существу никогда не выходили. Те самые люди, которые во время массовой революционной борьбы всегда занимали колеблющуюся позицию, в настоящее время отказываются от оборонительной борьбы и возвращаются в лагерь 2-го Интернационала, который всегда был сознательно контр-революционен. Центристские партии и весь центрист-

ский $2^1/_2$-й Интернационал находятся в состоянии разложения. Лучшая часть революционных рабочих, которые временно находились в лагере центризма, современем перейдут в Коммунистический Интернационал. В некоторых местах этот переход уже начался (Италия). Напротив, подавляющее большинство центристских вождей, которые в настоящее время объединяются с Носке, Муссолини и т. д., превратится в ожесточенных контр-революционеров.

С объективной точки зрения слияние партий 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов может принести только пользу революционному рабочему движению. Исчезает фикция второй революционной партии, стоящей вне коммунистического лагеря. Теперь только две группы будут вести борьбу за овладение большинством рабочего класса: 2-й Интернационал, являющийся выражением буржуазного влияния внутри рабочего класса, и 3-й Интернационал, поднявший знамя социалистической революции и диктатуры пролетариата.

VIII. Раскол в профсоюзах и подготовка белого террора против коммунистов.

Слияние партий 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов, несомненно, вызвано необходимостью подготовить «благоприятную атмосферу» для систематического похода против коммунистов.

Частью этого похода является планомерная кампания вождей амстердамского Интернационала

в пользу раскола. Амстердамцы отступают перед всякой борьбой с наступающим капиталом, более того, они продолжают придерживаться своей политики сотрудничества с предпринимателями. Дабы при этом сотрудничестве избегнуть препятствий, со стороны коммунистов, они планомерно стремятся подорвать влияние последних в профсоюзах. Но так как коммунисты все же во многих странах уже захватили большинство профсоюзов или же в скором времени захватят его, то амстердамцы не останавливаются перед тактикой исключений и формального раскола профдвижения. Ничто так не подрывает силы пролетарского сопротивления наступающему капиталу, как раскол профсоюзов. Это отлично знают реформистские вожди профсоюзов. Но так как они замечают, что у них уходит почва из-под ног, и сознают неизбежность и близость своего банкротства, то они торопятся внести раскол в профсоюзы, это незаменимое орудие пролетарской классовой борьбы, — дабы коммунистам достались одни только осколки и остатки старых профессиональных организаций. Более злостное предательство рабочий класс уже не видел с августа 1914 года.

IX. Задача овладения большинством.

При таких обстоятельствах остается в полной силе основное требование 3-го Всемирного Конгресса: добиться распространить коммунистическое влияние среди большинства рабочего класса и вовлечь в борьбу его решающую часть.

Теперь еще более, чем во времена 3-го Конгресса, следует признать, что при существующем неустойчивом равновесии буржуазного общества совершенно неожиданно — в связи с крупной забастовкой, колониальным восстанием, новой войной, или даже в связи с парламентским кризисом — может возникнуть острый кризис. Но именно поэтому приобретает колоссальное значение «субъективный» фактор, т.-е. степень сознательности, готовности к борьбе и организованности рабочего класса и его авангарда.

Овладеть большинством рабочего класса в Америке и в Европе — вот в чем заключалась и заключается задача Коммунистического Интернационала.

В колониальных и полуколониальных странах Коммунистическому Интернационалу предстоит выполнить следующие две задачи:

1) создать ядро коммунистических партий, представляющее общие интересы пролетариата,

2) всеми силами поддерживать национальное революционное движение, направленное против империализма, стать авангардом этого движения, и в пределах национального движения пробудить и усилить движение социальное.

X. Тактика единого фронта.

Из всего этого вытекает необходимость тактики единого фронта. Лозунг 3-го Конгресса — «к массам» — в настоящий момент, более чем когда-либо, остается в силе. Борьба за образование

пролетарского единого фронта в целом ряде стран только теперь начинается. И только теперь мы начали преодолевать все затруднения, связанные с этой тактикой. Наибольшим примером является Франция, где ход событий убедил в необходимости применения этой тактики даже тех, кто еще недавно были ее принципиальными противниками. Коммунистический Интернационал требует, чтобы все коммунистические партии и группы строго придерживались тактики единого фронта, ибо в настоящее время только эта тактика сможет указать коммунистам верный путь к завоеванию большинства трудящихся.

Реформистам теперь нужен раскол. Коммунисты же заинтересованы в объединении всех сил рабочего класса против капитала.

Применение тактики единого фронта означает, что Коммунистический авангард идет впереди в повседневной борьбе широких масс за их ближайшие жизненные интересы. Для этой борьбы коммунисты готовы даже вести переговоры с предательскими вождями социал-демократов и амстердамцев. Попытки 2-го Интернационала истолковать единый фронт, как организационное слияние всех «рабочих партий», конечно, должны быть категорически отвергнуты. Попытка 2-го Интернационала под флагом единого фронта вобрать в себя более левые рабочие организации («слияние» социал-демократов и независимых в Германии) фактически означает не что иное, как возможность для социал-демократических вождей предать буржуазии новые рабочие массы.

Существование самостоятельных коммунистических партий и их полная свобода действий по отношению к буржуазии и контрреволюционной социал-демократии является важнейшим историческим достижением пролетариата, от которого коммунисты ни в коем случае не откажутся. Только коммунистические партии отстаивают интересы всего пролетариата в целом.

Точно так же тактика единого фронта отнюдь не означает так называв. «предвыборной комбинации» верхов, преследующих те или иные парламентские цели.

Тактика единого фронта является не чем иным, как предложением коммунистов вести совместную борьбу со всеми рабочими, принадлежащими к другим партиям или группам, и со всеми беспартийными рабочими во имя защиты элементарных жизненных интересов рабочего класса против буржуазии. Всякое выступление за самое ничтожное повседневное требование является источником революционного просвещения и революционного воспитания, ибо опыт этого боя убедит трудящихся в неизбежности революции и в значении коммунизма.

Особенно важной задачей при применении тактики единого фронта является достижение не только агитационных, но и **организационных результатов**. Необходимо использовать каждый случай для созидания организационных точек опоры непосредственно среди рабочих масс (фабрично-заводские комитеты, контрольные комис-

сии, из рабочих всех партий и беспартийных, комитеты действия и т. д.).

Основной задачей тактики единого фронта является агитационное и организационное объединение рабочих масс. Истинное осуществление тактики единого фронта может исходить только «снизу», непосредственно из самих глубин рабочих масс. При этом, однако, коммунисты при некоторых условиях не могут отказаться от переговоров с вождями враждебных рабочих партий. Но массы постоянно должны быть вполне осведомлены о ходе этих переговоров. Тем не менее и во время переговоров с вождями самостоятельность коммунистической партии и ее агитации не может быть подвергнута ограничению.

Само собою разумеется, что тактика единого фронта в различных странах должна применяться в различных формах, соответственно конкретным условиями. Но в тех случаях, когда в важнейших коммунистических странах объективные условия уже созрели для социалистического переворота и когда социал-демократические партии, руководимые контр-революционными вождями, сознательно стремятся к расколу рабочего класса, в этих случаях тактика единого фронта будет иметь решающее значение для целой эпохи.

XI. Рабочее правительство.

Как общий агитационный лозунг, рабочее правительство (или рабоче-крестьянское правительство) может применяться почти повсюду. Но, как

актуальный политический лозунг, рабочее правительство имеет наибольшее значение в тех странах, где положение буржуазного общества особенно непрочно, где соотношение сил между рабочими партиями и буржуазией ставит в порядок дня разрешение вопроса о правительстве, как практическую необходимость. В таких странах лозунг рабочего правительства вытекает, как необходимый вывод, из всей тактики единого фронта.

Партии 2-го Интернационала пытаются спасти положение в этих странах, пропагандируя и осуществляя коалицию буржуазии с социал-демократами. Недавние попытки некоторых партий 2-го Интернационала (напр., в Германии) отклонить открытое участие в таком коалиционном правительстве и одновременно проводить его в скрытой форме означают не что иное, как маневр для успокоения протестующих масс, как лишь более хитрый обман рабочих масс. Открытой или замаскированной буржуазно-социал-демократической коалиции коммунисты противопоставляют единый фронт всех трудящихся и коалицию всех рабочих партий в экономической и политической области для борьбы с буржуазной властью и для ее конечного свержения. В результате объединенной борьбы всех рабочих против буржуазии весь государственный аппарат должен перейти в руки рабочего правительства, и тем самым должны быть укреплены господствующие позиции рабочего класса.

Элементарнейшие задачи рабочего правительства должны состоять в том, чтобы вооружить пролета-

риат, обезоружить буржуазные контр-революционные организации, ввести контроль над производством, свалить главное бремя налогов на имущие классы и сломить сопротивление контр-революционной буржуазии.

Такое рабочее правительство возможно лишь в том случае, если оно рождается из борьбы самих масс и будет опираться на боеспособные рабочие органы, создашные низшими слоями порабощенных рабочих масс. Но и рабочее правительство, вышедшее из парламентской группировки сил, т.-е. правительство чисто пролетарского происхождения, может повести к оживлению революционного рабочего движения. Само собой разумеется, что создание подлинно рабочего правительства, дальнейшее удержание такого правительства на почве революционной политики, должно вести к ожесточенной борьбе или даже к гражданской войне с буржуазией. Уже одна попытка пролетариата образовать такое рабочее правительство с самого начала натолкнется на сильнейшее сопротивление буржуазии. Лозунг рабочего правительства способен поэтому сплотить пролетариев и развязать революционную борьбу.

В известных случаях коммунисты должны изъявлять готовность образовать рабочее правительство совместно с некоммунистическими рабочими партиями и рабочими организациями. Но они могут это сделать лишь тогда, когда существуют гарантии, что это рабочее правительство действительно поведет борьбу против бур-

жуазии в вышеуказанном смысле. При этом естественные предпосылки участия коммунистов в таком правительстве состоят в том, что

1) участвующие в таком правительстве коммунисты находятся под строжайшим контролем своей партии;

2) участвующие в таком рабочем правительстве коммунисты находятся в теснейшем контакте с революционными организациями масс;

3) коммунистическая партия безусловно сохраняет свой собственный облик и полную самостоятельность своей агитации.

При всех своих крупных преимуществах лозунг рабочего правительства, как, впрочем, и вся тактика единого фронта, имеет тоже свои опасности. Чтобы избежать этих опасностей, чтобы уже сейчас бороться с иллюзиями якобы неизбежного этапа «демократической коалиции», — коммунистические партии должны помнить следующее:

Всякое буржуазное правительство является одновременно и капиталистическим правительством, но не всякое рабочее правительство есть действительно пролетарское, социалистическое правительство.

Коммунистический Интернационал должен считаться с следующими возможностями:

1. Либеральное рабочее правительство. Такое правительство существовало в Австралии; такое правительство может возникнуть в недалеком будущем и в Англии.

2. Социал-демократическое «рабочее правительство» (Германия).

3. Рабоче-крестьянское правительство. Такая возможность существует на Балканах, в Чехо-Словакии и так далее.

4. Социал-демократическо-коммунистическое коалиционное правительство.

5. Подлинное пролетарское рабочее правительство, могущее быть осуществленным в чистой форме только коммунистической партией.

Коммунисты готовы итти нога в ногу также и с теми рабочими, которые еще не осознали необходимости диктатуры пролетариата. Коммунисты готовы, следовательно, на известных условиях и при известных гарантиях поддерживать также некоммунистическое рабочее правительство. Но коммунисты столь же открыто заявляют трудящимся, что рабочее правительство не может быть ни достигнуто, ни сохранено без революционной борьбы против буржуазии.

Первые два типа рабочего правительства (рабоче-крестьянское и социал-демократическо-коммунистическое правительства) еще не означают диктатуры пролетариата, но являются важной исходной точкой для завоевания такой диктатуры. Законченной диктатурой пролетариата является лишь подлинное рабочее правительство (тип 5), состоящее из коммунистов.

XII. Движение фабзавкомов.

Ни одна коммунистическая партия не может рассматриваться, как серьезная и солидно организованная массовая коммунистическая партия,

если она не имеет прочных коммунистических ячеек на заводах, фабриках, рудниках, железных дорогах и т. п. Рабочее движение не может в нынешних условиях рассматриваться как планомерно организованное массовое пролетарское движение, если рабочему классу и его организации не удается создать фабзавкомов, в качестве опоры этого движения. В особенности безнадежна эта борьба против наступления капитала и за контроль над производством, если коммунисты не располагают твердыми точками опоры на всех заводах и если рабочие не создали своих собственных пролетарских боевых органов в предприятиях (фабзавкомы, рабочие советы).

Конгресс считает поэтому одной из главнейших задач всех коммунистических партий больше чем до сих пор закрепляться на заводах и поддерживать движение фабзавкомов или же взять на себя инициативу создания такого движения.

XIII. Международная дисциплина.

Для проведения в международном масштабе и в каждой отдельной стране тактики единого фронта теперь более чем когда-либо необходима строжайшая международная дисциплина внутри Коминтерна и каждой из его отдельных секций.

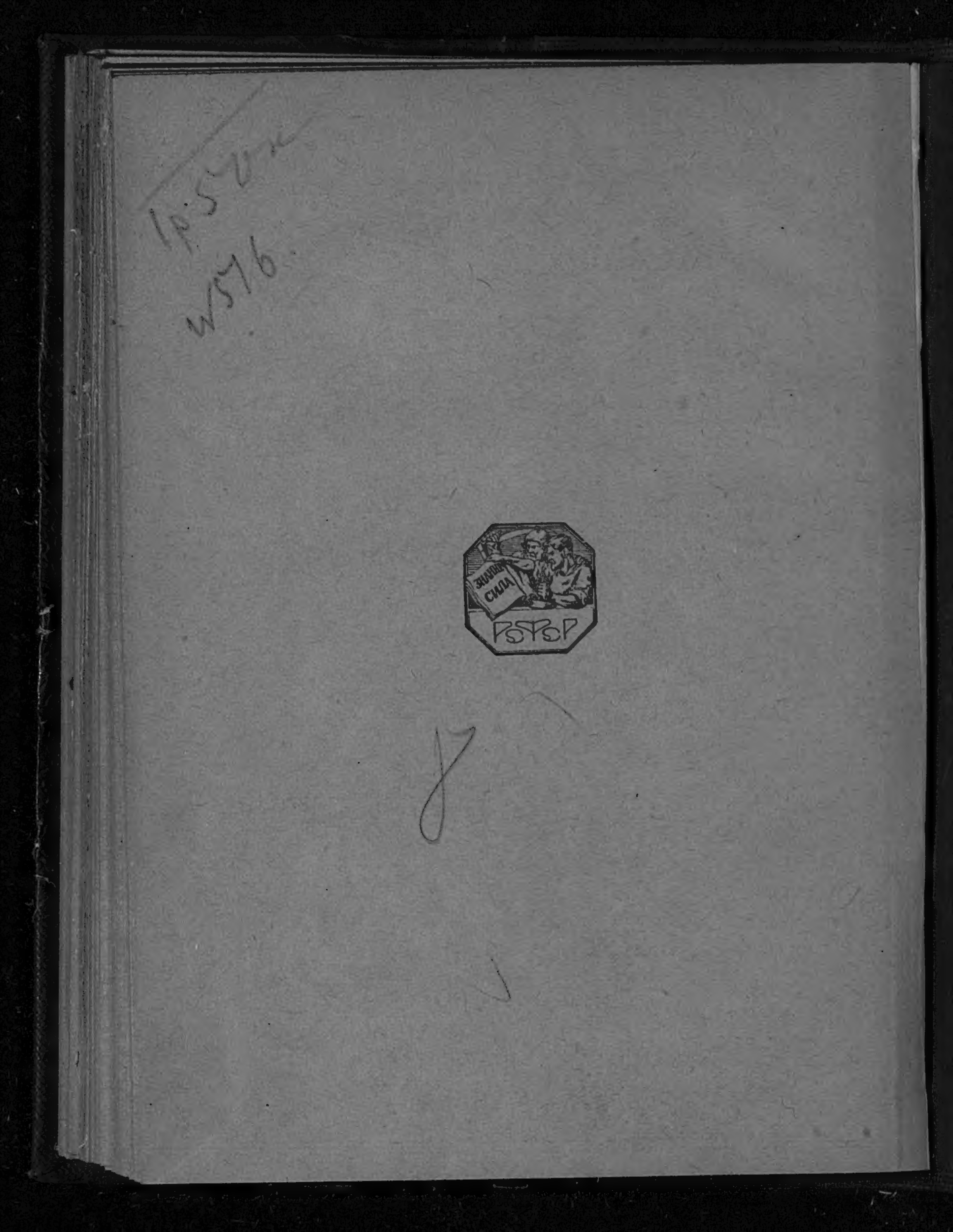
IV Конгресс категорически требует от всех секций и от всех своих членов строжайше придерживаться намеченной тактики, могущей принести плоды лишь при условии единодушного

и планомерного проведения ее не только на словах, но и на деле.

Принятие 21 условия предполагает проведение всех тактических постановлений всемирных конгрессов и Исполкома, как органа Коминтерна, в промежутках между всемирными конгрессами. Конгресс поручает Исполкому строжайше требовать и наблюдать над проведением в жизнь всеми партиями принятых тактических постановлений. Лишь ярко очерченная революционная тактика Коминтерна обеспечивает скорейшую победу международной пролетарской революции.

Конгресс постановляет присоединить в качестве приложения к этой резолюции текст декабрьских тезисов (1921) Исполкома, как подробно и правильно освещающих тактику единого фронта.

СОДЕРЖАНИЕ.


ЗНАНИЕ СИЛА
РСФСР




ИНСТ